ГАФАР ДЖАФАРЛИ

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

(Сказки и новеллы)

Nəşriyyat - Mətbəə
APOSTROF-A
Publishing & Printing
БАКУ – 2023

Переводчик: ***Рустам Мирзоев***

Редактор: ***Гюлюш Халилова***

Издател: ***Акиф Дензизаде***

ГАФАР ДЖАФАРЛИ

Д11 **ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ** *(Сказки и новеллы).*
Баку: «APOSTROF-A», 2023. – стр. 152.

ISBN 978-9952-562-61-3

Книга «Волшебная ночь» писателя-публициста Гафара Джафарли, автора нескольких книг в детективном и в других жанрах, является его первой встречей с русскоязычными читателями.

Основная тема книги – возвышенная любовь к Родине, к земле и к людям, отношения между родителями и детьми, разоблачение существующих пороков в обществе, особенно последствия, порождённые наркоманией.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Права защищены и принадлежат исключительно автору.
© ГАФАР ДЖАФАРЛИ, 2023

ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ

(Рассказ)

Светлой памяти моей матери.

У матери спросили:– Кого из своих детей любишь больше?

Мать ответила:– Самого младшего –пока тот не вырастет, больного – пока тот не выздоровеет, находящегося вдали – пока тот не возвратится домой, и каждого из них – пока я дышу.

В семье нас было трое – два брата и сестра. Между мной, сестрой, которая была старше меня и младшим братом было два года разницы в возрасте. Мой отец закончил профтехучилище по специальности экскаваторщика. Поэтому его отправляли работать в соседние районы. Он днями, а иногда неделями не приходил домой. Вся тяжесть семейных забот легла на хрупкие плечи моей матери. Вдобавок, совхозные работы, на которые людей вынуждали работать, никак не заканчивались. И те, кто слышал, как моя мать, засыпая ночью, стонет от болей в теле, думали, что она вот-вот скончается. А её помощницей, «поддержкой» была моя сестра. Сестрёнка, кому не исполнилось и восьми лет, но рано повзрослевшая. Сестрёнка, которая на своих худеньких, узких плечиках несла всю непомерную тяжесть слов: «Ты уже взрослая девушка.

В тот год зима была суровой. Всюду было

покрыто белоснежным покровом. С крыш домов свисали сосульки. Холод пробирал аж до костей. Событие, о котором я поведаю, произошло в один из тех холодных зимних дней.

Ранним утром, уходя на работу, мать велела сестре: «Разогреешь комнату детей». И сестра, бросившаяся выполнять должным образом распоряжение матери, в очередной раз наполнила печь дровами, принесёнными ею на руках из вязанки хвороста на балконе. Дрова, собранные на потухающие угольки, дымясь, начали вновь воспламеняться. Сестра, сварив яйцо, терпеливо накормила нас завтраком, напоила чаем. Я и брат, каждый из нас играл с игрушками в сторонке. Сестра с одной стороны от тепла, а с другой от усталости заснула на месте. Всё произошло в мгновение ока. От крика братишки мы вскочили с места. Сестрёнка с трудом смогла оттащить бьющегося на раскалённой печи ребёнка. Кожа на лице, руках и ногах брата всё ещё обжигалась. Не знаем, сколько времени прошло, но за это время никто не услышал, как мы кричали, рыдали, никто не пришёл нам на помощь.

Наверное, Аллах нас пожалел, что, вернувшаяся с работы и узнавшая о трагедии брата мать не сошла с ума. У меня в ушах до сих пор слышен крик матери, увидевшей, доносящие до небес крики и страдания брата. А те мгновения, как она упала без сознания, когда хотела взять на руки ребёнка, как мы с сестрёнкой

навалились на неё, как даже страдающий от невыносимых болей на теле братишка, обнимая её, заорал, что есть силы: «Мама! Мама!» до сих пор стоят перед моими глазами, и, наверное, не сотрутся из памяти до самой своей смерти. Из-за наших криков бессознательное состояние мамы продлилось недолго. Бедная женщина, не опомнившись, бросилась во двор, утопая в полуметровом сугробе, бегая взад-вперёд, позвала людей на помощь. Снова вернувшись домой, прижала к груди брата, у которого не осталось сил и беспрерывно целовала его обгоревшее тельце. Брат, обнимая маму, плакал навзрыд. Я с сестрой, прекратив реветь, с изумлением смотрели на прижавшихся друг к другу матери и ребёнку. Минуты спустя к нам явилась, живущая по соседству тётя Сабия, одна из родственниц матери. По её совету сначала раны брата натёрли яичным белком, в последующие дни на обгоревшие участки ставили компресс из жидкости, полученной от коры чинары, смешанной с уксусом, раны были свёрнуты в сдавленные листья подорожника. Ввиду того, что у нас отсутствовала материальная возможность для лечения брата в больнице в Баку или райцентре, мы были вынуждены довольствоваться знахарским способом лечения. Раны брата вылечились очень медленно. Но обгоревшие места, словно сваренные, покрылись необычным мясным покрывалом. А через некоторое время

сосуды на обгоревших участках стали сужаться, и через одиннадцать месяцев после этого события…

В течение нескольких лет после смерти брата, в нашей семье словно был наложен запрет на радость, веселье. Подобные чувства стали нам полностью чужды. Недаром говорят: «Время лечит все страдания». Постепенно всё вошло в своё русло, кроме мамы. Смех покинул лицо женщины, а сердце никак не радовалось. И на свадьбах она не могла сдерживать слёз. А когда в этот момент она замечала наше испортившееся настроение, то говорила: «Эх, дети, да я же от радости плачу», и этим старалась как-то приободрить нас. Мы все знали, что мать это говорит для того, чтобы успокоить нас…

Три года, как скончался отец. Смерть отца, который впал в кому после инсульта, кровоизлияния в мозг и в последующие десять дней не смог вымолвить ни слова, его такая смерть крайне огорчала маму. Бедная женщина всё время твердила: «Мы обязаны Аллаху жизнью, но у меня лишь единственная просьба о том, чтобы я не ушла бы из этой жизни, лишившись дара речи». К горю моей матери добавилось ещё одно. Я неоднократно бывал тому свидетелем, что бывая в одиночестве, мать беззвучно плачет. Слышал, что идя на траурные, поминальные собрания, она возносит молитвы по моему несчастному брату, по отцу. Несмотря на

то, что я день и ночь ухаживал за ней, её состояние всё ухудшалось. Надо отдать им должное, ни моя жена, ни мои дети, никогда не перечили ей. Всякий раз, когда я, возвращаясь домой, видел такое состояние матери или когда домашние сообщали мне о том, что она часами плакала в своей комнате, я обнимал, целовал и ласкал её, и спрашивал причину того, почему она так истязает себя. И каждый раз под каким-то предлогом она избегала ответа.

– Я же старая женщина, и сейчас моя жизнь связана с воспоминаниями. Я живу, вспоминая прожитое. – Говорила, – Не обращай на меня внимания. В последний раз, где-то месяц тому назад после долгих просьб и уговоров, мать, наконец-то, открыла душу:

– Ты, сынок мой, умный.Ты никогда не заставлял меня краснеть. Я довольна тобою, и всегда благославляла тебя. Сынок, неизлечимая рана в моём сердце связана с твоим братом. Горе по нему будет меня до последнего вздоха. До гроба буду нести с собой эту боль. Родить дитя – веление Аллаха, а оберегать его было моим долгом. Хоть бы у меня отнялись ноги, когда я шла на работу… Я не смогла защитить своего сыночка. Мой красавчик, мой сынок с ангельским личиком, ушёл от меня. Как мне пережить такое горе, сынок? Такая мать, как я…

Слёзы не дали ей досказать. Слёзы, потёкшие на полное морщин бархатное лицо моей

матери, потекли оттуда на её челюсть, шею. Её наполненный страшной болью плач разрывал мне сердце. Я живо обнял её и прижал к груди. Некоторое время мы с ней так и просидели, будто бы застыли на месте. Оторвавшись, я вытер её слёзы. Мать, немного успокоившись, продолжила:

– Еще и смерть твоего отца! Сынок, и ты, и твоя семья всё делаете для меня, всячески ухаживаете за мной. Разве дело только в том, чтобы есть-пить, одеваться, отдыхать? Нет, сынок, равно как ты дорог для меня, так и твой отец также был моим задушевным другом, хранителем тайн, спутником по жизни. Ведь я же не могу говорить тебе то, что могла ему сказать. Кроме того, мы же с ним столько лет вместе делили ложе. Его душа сейчас во мне, в моей крови. Прости меня, сынок, прости, что я была вынуждена тебе сказать эти слова.

После долгих уговоров мать пообещала мне, что больше не будет плакать. Я знал, что она это сказала, чтобы успокоить меня. Потому что невозможно было не понять то, как каждый раз, обнимая меня, она, проводя рукой по моему телу, лаская найденные в её воображении «места ран», прослезившимися глазами ласкала их и охала при этом. Я давно знал, что для матери я несколько лет уже не был любимым ребёнком.

...Состояние матери часто менялось. Обследования показывали, что в её здоровье серьёз-

ные проблемы, особенно в кровообращении и в сердечно-сосудистой системе. А лечения не давали должного эффекта. Несмотря на это я не прекращал обследования и лечения.

Хотя и был конец апреля, но весенняя красота радовала глаз. Всё утопало в зелени, в цветах. Пёстрые цветы на деревьях и кустарниках дарили душевную радость людям. Настроение матери тоже было неплохим, несмотря на подобную красоту природы. Во всяком случае, она сама так говорила. Как бы я этому ни радовался, однако весть о том, что меня посылают на месячную служебную командировку в одну из заграничных стран, испортила мне настроение. Если бы не совет матери, возможно, я отказался бы от этого.

– Езжай сынок, коли выпала такая возможность. И мир объездишь, и это послужит пользой для твоей работы. Ну а я, слава Богу, чувствую себя хорошо.

Я часто держал связь с семьёй.Но после звонка, сделанного 6 мая, в день рождения моего отца, у меня потемнело в глазах. После очередных тоскливых слёз, состояние моей матери ухудшилось, и она впала в кому. Я так и не смог услышать голос матери.

Моё возвращение домой пришлось на одиннадцатое мая. Маму уложили в своей комнате, в постели, лицом в сторону Киблы. Врачи уже перестали выдавать ей лекарства. В комнате

были сестра, пара близких родственников и её лучшая подруга. Как только я зашёл в комнату, моему взору предстало бледное, застывшее лицо матери, а её глаза сразу же уставились на меня. Хотя я был растроган, тем не менее, подавил в себе слёзы, чтобы её не мучить. Приблизившись к ней, сел на корточки, пригнулся и поцеловал её глаза. Белки маминых глаз были неподвижны. Когда я вставал, заметил слёзы матери, текущие из глаз в сторону ушей, и смешавшиеся с её белоснежными волосами. Своим платком я вытер глаза, щёки, начал ласкать её волосы. В этот миг открылась дверь. В комнату вошла невеста моей сестры со своим двухмесячным ребёнком. Сестра назвала своего внука в честь моего несчастного брата. Резвившийся в объятиях матери малыш, словно хотел обнять упавшую и бьющуюся в предсмертной агонии «мать». Погода была жаркой, оттого на малыше была безрукавка и короткие шорты. Сестра, взяв ребёнка на руки, нагнулась в сторону нашей мамы, и прошептала ей в ухо:

– Мама, смотри, твой сын Бахтияр пришёл тебя проведать.

Взгляд мамы устремился на протягивающего толстые ручки, «разговаривающего» отрывистыми, непонятными звуками малыша. Тёплое, душистое дыхание ребёнка придавало его личику удовлетворённое выражение. Внезапно она будто проснулась ото сна, её глаза

заблестели. Хоть и с трудом, но всё же подняла правую руку вверх. Мама погладила его тельце, когда сестра ребёнка приблизила к ней. На миг лицо женщины посветлело, её лик озарился радостным светом. Края глаз сузились и … она облокотилась на руку. Слёзы и всхлипывания охватили всю комнату.

Полные радости глаза матери уставились на неизвестную точку и застыли там. Её лик, озарённый светом, был объят божественной любовью. Я понял, что ангельская душа моей матери, испытывающей радость от «исцелившихся» ран на теле своего несчастного сына, на последнем дыхании в умиротворённом состоянии покинула этот мир.

Ленкорань.
19-20 октября 2019 года.

ДОЛГ ДЕТЕЙ

(Рассказ)

Сначала он не понял, что произошло. Вытерев глаза тыльной стороной руки, он с полными удивления взором оглядел комнату. Привстал, чтобы понять, откуда доносился звук прямо перед ухом, заострил внимание и тотчас же узнал голос своей матери, Шахназ. Он осмотрелся вокруг. Вспомнил, что сегодня из-за продолжавшейся часами дурацкой головной боли, пораньше отпросился с работы, пообедав и приняв таблетку «спазмалгон»а, прошёл в спальню.

Уже на свежую голову Садиг был вынужден вновь услышать слова своей матери, Шахназ:

– Будь ты проклята. У тебя отменный аппетит, Пакиза. Думаешь, что обманывая меня сладкими словами: «Ай джан!», «Дорогая!», кружа передо мной своим худым телом, сможешь отнять у меня единственного сына? Как бы ни так. Не дождёшься, ты это только во сне увидишь. Нифи, с этим уже пора окончательно завязать.

Нифтулла в знак согласия покачал головой, и придвинул к себе полный стакан чая на столе. Он захотел охладить гнев Шахназ, кладущей на газовую плиту чайник.

– Ты права, женщина, надо окончательно решить этот вопрос. Так дальше не может про-

должаться. Погулял и хватит, я преподам урок этому лупоглазому Сафтару.

Шахназ сердито придвинув один из стульев вокруг стола, уселась рядом с мужем.

– Не хватало, чтобы мы все стояли смирно перед их смазливой дочуркой. Мы что должны были готовить и ставить перед ней обед, когда она приходит с работы, чай, когда выходит из бани, фрукты, когда просыпается. Ты смотри на неё, а. Говорит, мне с вами трудно жить, вы меня не понимаете. Правильно говорит, конечно, трудно. До сих пор не знаешь, что значит покупки на базаре, ничего не ведаешь о домашнем хозяйстве… Смотри, эта девица работает, стирает раз в день, и готовит раз в день. Может, и это я должна была делать. Нифи, у меня сердце разрывается, ну скажи хоть слово.

– Шахназ, ты не волнуйся. Сафтар думает, что может совать свой метровый нос в наши семейные дела. Нет, не дождёшься. Да я так прокручу твой нос, что сам спасибо скажешь. Я уже поговорил, завтра придут и уберут с собой все свои шмотки.

Шахназ отпив глоток чая, подвинула стакан в сторонку.

– Я тебе с самого начала твердила, что эта семейка нам не ровня, а ты не послушал меня. Сын посылает ей немного денег с России, а она думает, что мир у неё в кармане. Нужно было воспитать ребёнка, воспитать. Утром уходит,

вечером приходит, видите ли, девица учительницей работает, а мы не знали. Хорошо, что не на прибыльной работе работает, не то бы мы все должны были бы преклоняться перед ней. Никто ей не нравится. Много ли у тебя золовок? Если бы смогла найти общий язык всего со своими двумя золовками, мир бы рухнул? Судьба уж такая сложилась, развелись с мужьями, и вернулись в отчий дом. Может, они должны были испросить твоего разрешения, когда возвращались. И так у них сердца разбиты, у одной детей нет, а другая посвятила жизнь двум своим детям.

Нифтулла, словно опасаясь кого-то, оглянулся по сторонам, и на его лицо сошла фальшивая улыбка. Он приподнял брови, когда пригнулся к своей жене Шахназ:

– Знаешь, что мне в прошлый раз сказал Сафтар? Говорит, они молодые, давай постараемся сделать так, чтобы они были счастливы. Давай-ка совместно купим для них квартиру, чтобы они переехали туда жить. Даёт мне советы своей чурбаньей головой. Не хватало, чтобы я вырастил сына ради того, чтобы его дочка жила счастливо в сторонке, а я должен сгорать от тоски по сыну. Я вырастил сына, дал ему высшее образование. И теперь я должен принести в жертву своего сына-инженера твоей невоспитанной дочери?

– А от кого она должна была получить вос-

питание, от своей матери Пакизы? Сучка, так разговаривает с человеком, будто она зарабатывает, а мы тратим. Чего ждать от той, которая вышла из утроба Пакизы. Разве Пакиза сама была достойной невестой, чтобы её дочь последовала бы её примеру. Больше месяца, как их дочь вышла из отчего дома, ни её мать, ни отец ни разу не позвонили и не сказали, что ваша бесплодная невестка совершила ошибку, разрешите нам взять её обратно домой. Не сказали, потому что они не обладают такой культурой. Аххх, ну не послушал ты меня. Если бы я поволокла бы её за волосы, когда она в первый раз мне ответила, то сейчас не было бы такого.

Внезапно открылась дверь кухни. На дверях показался рассерженный Садиг. Он устремил свои полные гнева глаза на родителей. Застывшие от его внезапного появления Нифтулла и Шахназ, не знали, что поделать. В комнате воцарилось тягостное молчание. Живо вставшая Шахназ прибегла к сладкой речи.

– Сынок, я заварила хорошийчай. Давай вместе выпьем чаю.

Садиг не был в состоянии слышать эти слова:

– Ну, мама, ну прекрати, а. Нет больше твоей невесты, ушла. Чего ещё хочешь от этой бедняжки – сказав это, он сердито вышел из комнаты.

– Эх! – Шазназ устремив полные изумления взгляды на Нифтуллу, покачала рукой. – Ты

смотри на на него, а!... Ты наш сын, и услышать нас – твой долг. Твой долг, понимаешь? О Боже, горе-то какое. Не даёт даже излить нам горе. Ты думаешь, что они сейчас сидят и молятся на нас? Как бы ни так!!!

...Сафтар включил телевизор и хотел было положить пульт на журнальный столик, как его жена Пакиза вошла в комнату. Ворча, она уселась на диване рядом с Сафтаром.

– Всё-таки совесть надо иметь, честное слово. Когда сватались к девочке, то были словно банным листом приклеены к нашему дому. Надоедали, ежедневно названивая, чуть ли не всех аксакалов сватами к нам домой отправляли. Выворачивались ужом наизнанку, говоря: «Все расходы на экзамены мы возьмём на себя». А после свадьбы всё забылось. Раньше всё время говорили: «Доченька, доченька», а после свадьбы каждую минуту ищет повода, чтобы ужалить, прямо как готовая напасть кобра. Бедная доченька, она вернулась, пережив за эти два года сущий ад.

Хотя глаза Сафтара были прикованы на экран телевизора, но всё его внимание было на жене. В течение месяца они неоднократно подолгу говорили об этом, тем не менее, этот разговор никак не заканчивался.

– Верно говорят, Пакиза, тот кто не найдёт себе ровню, у того всю жизнь будет страдать. Наша дочь не ровня Садигу.

Пакиза взглянула на мужа унылым взглядом и в таком же тоне ему ответила:

– Сафтар, будь справедлив, Садиг неплохой парень. Родители заморочили голову бедняге.

– Да постой же, женщина. Что ты называешь неплохим парнем? В семье у каждого должно быть своё место: у родителей, у сестры, и у жены. У хорошего парня жена должна быть рядом. Чем же он хорош, если не может защитить честь своей жены? Кроме того, тот, кого породил Нифтулла, который всю жизнь прожил дармоедом, разжирелся на дармовых харчах, откуда может знать, что такое честь.

– Ты ещё о Шахназ не говоришь. Она полагает, что моя дочь служанка в том доме. Что она должна обслуживать всю их семью. Ждёт, чтобы мы каждые праздники, именины с помпой и музыкой должны идти к ним домой на поклон. Она несколько раз между слов намекала мне об этом. Я не понимаю, они породнились с нашей дочерью или со всей нашей семьей.

– Верно говоришь. Если бы никто не посмеялся бы над Нифтуллой, то он захочет от меня ежемесячной платы. Ты смотри, они настолько глупы, что в уходе Вафы из дома, обвиняют нас. Не думают, что какой родитель захочет, чтобы его дочь бросила семью и вернулась бы в отчий дом. Разве для этого мы выдавали замуж свою дочь? Наверное, они сами пожелали, чтобы обе их дочери развелись.

Пакиза вздохнула, нагнувшись взяла салфетку, вытерев ею раскрасневшееся лицо.

– Не думают, что они тоже молодая семья, у них свои заботы. Женаты около двух лет, а всё ещё детей нет. И ни разу не пошли на лечение. Каждый раз находят предлог, и запаздывают с лечением. Наверное, хотят, чтобы и эту проблему мы решили. Если бы никто не посмеялся бы над Шахназ, то она и ночью будет спать между Садигом и Вафой. Разве может быть такое несчастье, милый.

– На самом деле вся вина на Нифтулле, который считается главой семьи. С этим человеком невозможно разговаривать. У него это своеобразная болезнь. Этот человек всегда считает себя правым. Не слушает ничьих слов. Он даже не мыслит проживание отдельно от семьи сына. Считает, что сын неизменно должен быть рядом с ним, в его подчинении. Вот спросить бы у него, если так, тогда зачем ты женил сына?

Пакиза снова с унылым лицом взглянула на мужа.

– Сам Садиг тоже замучился в их руках.

– Хватит, Пакиза, не выводи меня из терпения. Итак завтра всё закончится. Пойду, заберу и принесу всё приданое дочери. Конец разговору. От Нифтуллы мне родственник не выйдет. И сын, порождённым им от него дальше не уйдёт. Пёс породит пса, а не льва. Если у Садига было бы достоинство, то он взял бы супругу за руку и

повёз бы с собой. Он тоже болван, как и его отец. И хорошо, что у них не родились дети, а то…

В это время дверь комнаты неожиданно открылась. Покрасневшаяся Вафа вошла внутрь. Сделав шаг, она остановилась и произнесла растроганным голосом:

– Отец, – но не смогла дальше договорить. Закрыв лицо руками, повернулась и вышла из комнаты.

Взгляды супругов на миг пересеклись, и сразу же устремились на закрытую силой дверь. Послышался полный удивления и немного упрёка голос.

– Никак не пойму эту девочку. Она снова хочет вернуться в эту змеиную нору? Не думает, что с таким не стоит портить жизнь. Мы в жизни всего повидали. Разве пожелаем, чтобы тебе было плохо? Конечно, нет. Родитель старается для своего ребёнка. А долг ребёнка его слушать…

Нифтулла был уведомлён о том, что по заказу Сафтара в воскресенье должны были приехать за приданым. Вдобавок, в качестве меры предосторожности он отправил дочерей и внуков на дачу. Поэтому, стоявший в домашней одежде на лестнице Нифтулла невозмутимо встретил въезд грузовика «ГАЗ-53» во двор. Кроме водителя, с машины спустились двое молодых парней. В это же время у ворот показались Сафтар и его жена Пакиза. Пакиза впереди, а рабо-

чие следом за ней направились в сторону дома. А Сафтар предпочёл прогуливаться по двору. В это время Шахназ приблизилась к мужу. Нифтулла сердито обратился к рабочим:

– Проходите внутрь, заберите свои шмотки.

Пакиза, как и было условлено, не ответила на эту реплику. Указанные Пакизой вещи сначала собирались во дворе, а там уже грузились на машину.

Пакиза вместе с прижатой к груди хрустальной вазой подошла к Сафтару и начала стоять рядом с ним. Глядя на ворота, они стали что-то шёпотом обсуждать. Вдруг... , оба застыли на месте, словно их ноги были на мине и от малейшего движения они попали бы на тот свет. Под их полными изумления взглядами, Садиг и Вафа, держась за руки, вошли во двор. Только они сделали пару шагов, как остановились на крик Пакизы. Невольно сказанные ею слова: «Вафа, куда идёшь?» были произнесены столь громко, что Нифтулла и Шахназ тоже бросились во двор. Садиг и Вафа стояли, прижавшись друг к другу, между родителями, стоявшими напротив. Рабочие, положив на землю зеркало комода, с вниманием наблюдали происходящее. Садиг, окинув осуждающим взглядом обе стороны, произнёс:

– Мы не смогли прожить вместе. Жаль, что мы бессильны выполнить ваши родительские требования. Да, вы наши родители. Мы, как

ваши дети многим обязаны вам. Но разве наша жизнь тоже принадлежит вам? Мы терпели, долго терпели, но всё это было бесполезно. Вы так и не отстали от своего упрямства. Думали, что может поймёте, что и мы должны прожить жизнь, дарованную нам Аллахом. Разве у нас на это нет права? Всякий раз вы говорите о долге детей. Разве долг детей – быть рабами? Разве долг детей – терпеть любое бесправие, приносить своё счастье в жертву родителям? Нет такого долга. Ни Аллах, ни государство не признаёт такой долг. Этот долг рождён вашим необъятным упрямством. Мы счастливы вдвоём. Разве этого не достаточно для вас? Отец, мать, пусть этот дом, это богатство будут вашими. Сафтар муаллим, Пакиза ханум соберите это приданое и отнесите домой, это мы тоже подарили вам. Нам ничего не нужно. Простите, что мы не смогли вернуть вам сыновний и дочерний долг, который вы от нас требовали. Мы уходим, уходим, не говоря куда. Мы уходим, чтобы вы смогли бы тихо спокойно прожить.

Садиг и Вафа быстрыми шагами вышли со двора. Возгласы «Сынок!», «Доченька!» объяли весь двор. Молодые люди, не оглядываясь назад, скрылись за каменным забором. Стоящие строем родственники в расстроенных чувствах смотрели на ворота. Рабочие со стороны с удивлением наблюдали за ними. Сафтар и Нифтулла, разочарованно посмотрев друг на

друга, опустили головы. Шахназ и Пакиза также старались отводить друг от друга свои полные сожаления взгляды. Вокруг царило тягостное молчание. А печальный вздох Сафтара добавил грусти. По его знаку рабочие начали относить зеркало обратно домой. Родственники также взяв то, что было под рукой последовали за рабочими…

Теплоты осеннего солнца было достаточно, чтобы согреть душу человека.

Ленкорань.
27-28 октября 2019 года.

ГУМРУ

(Рассказ)

С приходом осени наступившая прохлада основательно улучшила настроение доктора Эльшада. Как только он находил свободное время, то придвинув кресло к окну, с интересом смотрел на заложенную в минипарке во дворе лужайку, на цветы на ней, на зелёные деревья, на озирающихся вокруг грустными взглядами больных, на двигающихся поспешными шагами людей в белых халатах. Было нечего делать, оттого доктор Эльшад снова понаблюдал из окна вокруг. Тотчас ощущалось, как прохлада придаёт душевный покой людям. От льющейся с небес огненной жары, бывшей неделю тому назад, не осталось и следа. Люди с комфортом прогуливались, беседовали, смеялись, шутили, назло пережитой ими летом пеклу, старались сполна ощутить вкус прохлады.

То, что сегодня пациентов было меньше, не беспокоило доктора Эльшада. Он подумал, что всё равно домой возвращаюсь не с пустыми руками. Дай Бог достатка этим людям, не то получаемой зарплаты не хватило бы на свадьбу никакого родственника. Хотя сегодняшняя погода улучшила его настроение, но в душе всё равно была странная тревога. Он вновь упрекнул свой возраст за это в последнее время ча-

сто повторяющееся явление. Он подумал про себя: «Шутка ли, не сегодня, так завтра мне исполнится – 60, как говорится, время летит уже по нисходящей». В беседах с друзьями он сравнивал ровесников с плодоносящим деревом. Говорил: «Обессиленные ветки, выдержавшего испытание временем того дерева, постепенно начинают иссыхать и от малейшего дуновения ветра ломаются и падают на землю. А прежнее величие дерева остаётся лишь в памяти, в воспоминаниях».

Прочитав пару страниц с книги на руках, он встал с кресла, его взгляд остановился на неизвестной точке. Он немного покрутился с мобильным телефоном, вынутым им с бокового кармана халата. Он пару секунд в полном молчании рассмотрел, вышедшую на экране фотографию, затем в волнении отключив телефон, положил его в карман, и плюхнулся в кресло.

После окончания рабочего дня доктор Эльшад навестил двух больных, кого лечил. Когда он уезжал домой день уже клонился к закату. Как обычно, и на этот раз на пороге его встретил друг «Миша». «Миша», принадлежавший к истинной породе овчарок, словно был окрашен углём. Единственный отпрыск своей матери – «Миша», кого он приобрёл за две бутылки водки от возвращавшегося на родину русского офицера, был уже в возрасте, но, несмотря на это был очень ловким и хищным. В народе таких псов

называют «волкодавами». От одного свирепого вида этого пса никому и в голову не приходило приближаться ко двору. Завизжав «Миша» потёрся головой о ноги доктора Эльшада, пару раз тихо залаял. Его радость явно ощущалась со стороны. Из-за усталости доктор Эльшад не был в состоянии приласкать любимого пса. От того, как он направился прямо к лестнице, «Миша» понял ситуацию и, виляя хвостом, тихо отошёл в сторону и сел на землю. Пристальным взглядом он проводил хозяина дома до тех пор, пока тот не зашёл внутрь с порога, а затем, прислонив челюсть к земле, закрыл глаза.

Доктор Эльшад со свойственными своей натуре медленными шагами прошёл в спальню. Переодевшись, вышел в коридор, и по звуку посуды понял, что его супруга Сема находится на кухне. Когда он, закрыв замок спортивной куртки, зашагал в сторону кухни, то в дверях встретился лцом к лицу с Семой. Лица обоих на миг осветились улыбками. Сема сразу произнесла:

– Эльшад, я не слышала, как ты вернулся... Выглядишь усталым, что случилось?... Пройди, присядь на диване, сейчас я тебя угощу превосходным чаем с вареньем.

Доктор Эльшад удобно устроился на диване. Взяв пульт от телевизора, нажал конпку, и пробежался по каналам. Можно сказать, на всех них велись передачи характера шоу. Из-за этого часто он предпочитал смотреть зарубежные кана-

лы. Он считал, что, хотя в них немало лжи, тем не менее, в тех каналах можно встретить передачу, способную заставить человека о чём-то призадуматься. Фильм в жанре триллера, идущий на канале «НТВ» привлёк его внимание, и он, положив пульт на маленький столик, начал смотреть фильм. В это время Сема с подносом на руках вошла в комнату. Она неторопливо разложила на столе чай в стакане армуды, леденцы, вазу полную разного шоколада и карамели внутри, хрустальную розетку с кизиловым вареньем, и произнесла, как бы разговаривая сама с собой:

– Сейчас выпьешь чаю, и вся усталость пройдёт.

Устроившаяся на диване Сема оглядела мужа с ног до головы. На его лице читалась многолетняя усталость. Хотя она случайно увидела его такое состояние, тем не менее, её супруг в последнее время был как бы сам не свой, выглядел очень задумчивым. Каждый раз она хотела спросить причину, но передумывала. Она знала, что в целом всё было в порядке, поэтому не мелочилась, остерегаясь обидеть его из-за пустяка. Хотя его волосы поседели, а на лице виднелись морщины, тем не менее, его лицо не лишалось милосердия, света. Хоть это и радовало Сему, но сегодняшнее состояние мужа её очень беспокоило. Сема, устремив полный заботы взгляд на супруга, спросила:

– Родной, что с тобой? Выглядишь очень

усталым.

Доктор Эльшад выпрямившись, сел, причесав волосы рукой, закинул их назад, и терпеливо начал:

– На самом деле ничего не случилось, ежедневная рутина. Но почему-то сегодня на сердце у меня беспокойство, тревожно чувствую себя. Я поговорил с детьми, когда домой возвращался, всё в порядке. Скорее всего, моё беспокойство связано с общей усталостью. Наверное, – он продолжил, улыбаясь – после этого ароматного чая с вареньем всё пройдёт.

Эти слова оживили и Сему. Радостный блеск в её глазах увёл доктора Эльшада в далёкое прошлое.

Ровно тридцать два года назад он создал семью с Семой, которая была младше него на пять лет. Хотя это был выбор их родителей и, как говорится, она не была его возлюбленной, кого он сам бы выбрал, он не пережил с ней романтические переживания, тем не менее, он был очень доволен этим браком. Со временем доктор Эльшад не только привязался к Семе, но и полюбил её от сердца. Сема подарила ему двух умных сыновей, никогда ему не перечила, и хорошо заботилась о нём. До сих пор в их семье она не давала повода для недоразумений, для неприятных разговоров. Доктор Эльшад давно пришёл к такому выводу, что искренность, любовь, дружба в семье, воспитание и учёба де-

тей, и даже авторитет и место отца зависят от хозяйки дома. Неслучайно, что на разных собраниях он любил повторять слова Шейха Шамиля – символа героизма: «Мои дети, весь аул, район и страна поднялись ради меня, последовав примеру моей жены»…

Звонок на воротах двора привлёк внимание обоих. Сема, сразу встав, направилась в сторону маленького монитора, прикреплённого к стене у входной двери коридора, и также сразу вернувшись, взглянула на доктора Эльшада с полным изумления взглядом.

– Солмаз пришла. Интересно, что случилось? Вдруг с Гумру что-нибудь стряслось?

Доктор Эльшад словно вздрогнул, встав с места, быстрыми шагами вышел из дома. Надев резиновую обувь, он спустился во двор, открыл засов небольшой двери для пеших гостей. На него были устремлены поникшие, полные тревоги глаза Солмаз.

– Проходи, Солмаз. Что случилось, почему ты такая взволнованная?

Солмаз, вытерев слёзы платком, который держала на руках, тихо произнесла:

– Состояние Гумру тяжёлое. Просила, чтобы позвала…

Солмаз не смогла договорить. Её всхлип добавил грусти и печали в окружающую тишину. На голос окликнулся и «Миша», который заскулил, подняв морду, а затем снова попятился на-

зад. При слабом свете электрической лампочки, висевшей над воротами в сторону дороги, доктор Эльшад подумал про себя: «Хорошо, что это так, не то Солмаз сразу почувствовала бы, как я переменился, как мои глаза наполнились слезами, как мои губы дрожат от волнения». Оборачиваясь, он заметил приближавшуюся к нему Сему. Как бы разговаривая с самим собой, он зашагал в сторону дома:

– Сейчас иду.

От глаз Семы не укрылось то, как тяжело, с трудом засеменил доктор Эльшад. Она приблизительно поняла ситуацию, но решила ничего не спрашивать у мужа, продолжала украдкой наблюдать за ним. Доктор Эльшад прошёл в спальню, закрыл за собой дверь, прислонился к двери и глубоко вздохнул. Он почувствовал, что если чуточку задержался бы пройти в комнату, то обессиленные колени не послушали бы его. Хоть он и радовался этому, но осознал, что чего-то оборвалось в глубине его сердца. Он подумал, что «сейчас самое главное взять себя в руки и нормально выйти из дома». Поспешно переодевшись, он вышел из комнаты. Когда он брал сумку в коридоре, наблюдавшая за ним вопрошающим взглядом Сема предпочла молчать, лишь глубоко вздохнув, быстрыми шагами спустилась с лестницы. Он направился в сторону гаража, чтобы завести машину. Но разговаривая с Солмаз, вспомнив о мельком увиденной

возле ворот «Жигули» 06 модели синего цвета, он передумал, и сам обрадовался этому, потому что ему было не по душе водить машину в таком состоянии. Закрытие двери совпало с заведением машины. Гравий, выскочивший из под колёс, с визгом рассыпался вокруг.

Доктор Эльшад, прижав сумку к груди, закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он прикреплён к сиденью. Он знал, что дом Солмаз находится в микрорайоне города, примерно в десяти минутах езды. Он столько раз ездил по этой дороге вместе с Сема… Даже колющие боли не могли отвлечь его от воспоминаний.

... С Рустамом они познакомились в Баку, в студенческие годы. В то время чайханы в Баку «специализировались» по регионам. В чайхане в саду под названием «Парапет» собиралась в основном молодёжь из южного региона. В один прекрасный день Эльшад случайно увидел там Рустама. В ходе разговора выяснилось, что они оба из одного города. С того времени каждую субботу встретившись после уроков, они пили чаю в чайхане, немного прогулявшись в парке рядом с дворцом Ленина, ели джыз-быз в близлежащем подвале и посмотрев вечерний сеанс фильма в кинотеатре Низами, расставались. Этому неписаному закону они следовали до конца студенческой жизни, где-то до двух лет. После окончания вуза Эльшад и Рустам, вернувшись в родной город, начали работать по своим

специальностям: Эльшад кардиологом, а Рустам инженером-строителем. Вначале женился Эльшад, и Рустам много потрудился в организации и проведении его свадьбы. На свадьбе Рустама и Солмаз Эльшад сполна вернул долг. Они стали дружить семьями. У Эльшада родились два сына, а появление на свет единственной дочери Рустама Гумру задержалось на несколько лет. Несмотря на то, что родители обеих семей желали породниться между собой, тем не менее, время по-другому решило этот вопрос. Дети сами выбрали супругов, и таким образом мечта друзей породниться не сбылась, зато дружба и искренность между их семьями продолжались.

Трагическая смерть Рустама на рабочем месте три года назад стало большой трагедией для обеих семей. В тот тяжёлый день рыдание Гумру в течение нескольких минут, повиснув на шее Эльшада, основательно опечалило и окружающих. Неожиданно Гумру всем телом прижалась к Эльшаду, прижала своё белое, нежное, увлажнённое слезами лицо к его лицу. Эльшад невольно обняв Гумру, почти целую минуту замер в таком положении, затем взяв её за плечи, осторожно отодвинул от себя. В тот момент он ощутил теплоту тела Гумру, биение её сердца. Во время последующих встреч, телефонных разговоров, когда его начала беспокоить сладость в голосе Гумру, желание, её теплота, он постарался себя уверить в том, что всё это исхо-

дит лишь из уважения к ней…

Неожиданная остановка ездящей со скоростью машины, заставило сидящих в салоне припрыгнуть на месте. Если бы доктор Эльшад чуточку замешкался бы, то голова его неизбежно ударилась бы о лобовое стекло. Доктор Эльшад сошёл с машины, и через ворота, а затем входную дверь вошёл внутрь красивого двухэтажного дома, построенного из кирпича. Из-за того, что Солмаз шла впереди, она открыла дверь одной из боковых комнат и, включив свет, пригласила его внутрь. Вошедший в комнату доктор Эльшад огляделся. В левом углу комнаты, в верхней части одеяла на кровати у окна показалось лицо человека. Он замер на месте, не веря своим глазам. Это была она, Гумру, та Гумру, которая в течение последнего года заставила его пережить адские муки, перевернула его жизнь!. От её красивого, прелестного личика не осталось и следа, только черты лица были те же. Доктор Эльшад обернулся назад, Солмаз в комнате уже не было. Придвинув к себе один из стульев вокруг стола посередине комнаты, он приблизился к больной. Положил на пол сумку, которую держал в руках, и внимательно уставился на больную с закрытыми глазами. Его вновь обуревали воспоминания.

...Всё началось год тому назад. Говорят, меткое слово к месту бывает. Был один из прохладных осенних дней, как сейчас. Когда доктор

Эльшад услышал о том, что Гумру развелась с мужем и вместе с сыном Мурадом вернулась к матери, он забеспокоился. После работы он приехал прямо в дом к Солмаз. Неожиданно во дворе его встретила Гумру. Как и два года тому назад Гумру опять обхватив его шею, поцеловала в лицо. Доктор Эльшад и на это раз не смог совладать собой, и прижав Гумру к груди, поцеловал её в лицо. Тепло на щеках Гумру обожгло ему губы, а аромат её волос вывел его из себя.

– А, братец Эльшад, добро пожаловать!

Если не послышался бы голос Солмаз, то Аллах знает, сколько бы это продлилось. От услышанного голоса пару словно ударило молнией, они тотчас же оторвавшись друг от друга, начали смеяться. Солмаз пригласила дорогого гостя домой. Он уселся на диване, поставленном в коридоре, а Солмаз и Гумру сели напротив. От шока недавно пережитого у него пылало лицо:

«О Аллах, что это за чувство я переживаю? Что это в таком возрасте? Почему у меня сердце замирает, тело дрожит, когда я вижу Гумру? Зачем Гумру всё это делает? Сейчас она сидит напротив, и я замечаю, что от страсти у неё пылают глаза. Не будь её матери рядом, то она так и повиснет на моей шее. Почему эта девочка воспламеняет меня, играет моими чувствами? Это горе не выразить словами, честное слово, разве можно об этом сказать вслух? Тот, кто услышит, что подумает? Не скажут, что вот бесстыжий,

как можешь испытывать такие чувства к молодой женщине, которой только двадцать пять лет? Не скажут, что человек сошёл с ума, в этом возрасте запал на разведённую дочь друга? А дети что на это скажут? Ещё про Сему не говорю, что будет, если Сема узнает об этом? Как я посмотрю ей в лицо? Наверное, я сошёл с ума... Да, да... иначе это не назовёшь».

Голос Солмаз оторвал его от мыслей. Из недавнего разговора, он смог услышать лишь последнее предложение:

– Братец Эльшад, не остужайте свой чай.

Доктор Эльшад, нагнувшись, взял хрустальный стакан с маленького столика, отпив пару глотков чая, поставил на блюдце. В это время Солмаз вышла во двор. Взгляды доктора Эльшада и Гумру пересеклись. Оба от стыда старались не встречаться взглядами. На вопрос доктора Эльшада: «Почему так случилось?», Гумру тихо ответила: «Не знаю, ... наверное, такова судьба». В это время зазвенел мобильный телефон доктора Эльшада. Звонила Сема. Доктор Эльшад сказал, что скоро будет дома, и положил телефон на стол. Подняв голову, он посмотрел на Гумру. У неё горели щёки, и оттого она стала в тысячу раз ещё прекраснее.

«Как же выросла вчерашняя маленькая девчушка. Что мне теперь делать? Может, прояснить всё это с самой Гумру? Спрошу у неё, отчего попали в подобную ситуацию? Почему,

при встрече каждый из нас загорается изнутри? Нет, нет, как это можно сказать это вслух? Может любовь Гумру ко мне – это любовь к самому близкому другу её отца, к самому дорогому человеку их семьи? Но я уверен, что это не так. То как при встречах она всей душой припадает к моей груди, то как всё её тело охватывает дрожь, огонь и желание в её глазах – говорят об обратном. О Аллах, может, меня прихватила любовная напасть? Господи, за какие грехи ты меня наказываешь? Прости мой грех, Господи! Не давай мне такого испытания, не срами меня среди людей в таком возрасте!»

Шумное появление Мурада сразу же изменило атмосферу в комнате. Играя с мобильным телефоном в руках, он, как обычно, остановился прямо напротив доктора Эльшада, и со всей силой ударил правой рукой о ладонь его левой руки. Доктор Эльшад обнял его, и поцеловал в лицо. Мурад торопливо, словно боясь чего-нибудь упустить, не умолкая болтал. Говорил об интересных фотографиях, увиденных на телефоне, смешных, удивительных видео, про то, как снимал фотографии матери, бабушки, о том, как через месяц ему исполнится шесть лет, как он пойдёт в школу, как умеет считать до пятидесяти и знает некоторые буквы. Внезапно остановившись, он попросил свою маму присесть на диване. Гумру, словно ожидая этой просьбы, живо встала, села на диване и пра-

вой рукой ухватив за руку доктора Эльшада, притиснулась к нему. Всё произошло в один момент. Мурад со смехом подготовив телефон к съёмке, со смехом произнёс: «Снимаю» и прозвучал лёгкий щелчок аппарата. Он положил телефон на стол, и сказал:

– Смотри, я могу снять и тебя на телефон, – сказав это он, немедля взял телефон со стола. Затем протянул ему телефон, чтобы показать снятую фотографию. Доктор Эльшад со смехом произнёс: «Ай, спасибо, смотри, как хорошо сфотографировал», взял телефон, и внимательно рассмотрел фото на нём. На фото глаза Гумру были закрыты. В таком же застывшем положении он увидел Гумру, когда повернулся налево. Он невольно наклонил голову набок, и закрыл глаза…

Это была их последняя встреча. Хотя за прошедший год доктор Эльшад не раз себе давал слово, что не будет смотреть на их фотографию вместе с Гумру, тем не менее, как минимум два-три раза в день он нарушал своё обещание, и в эти мгновения он сердцем чувствовал, что Гумру смотря на это фото, тоже желает его, хочет быть рядом с ним. Но каждый раз одни и те же мысли стрелой вонзались в голову, пробивали ему сердце: «Эта любовь немыслима, в случае раскрытия влекущая за собой большое несчастье, вдобавок позор, эта несчастная любовь, о которой никогда нельзя сказать вслух, эта лю-

бовь с самого рождения обречена на смерть. Эта любовь сродни мертворожденному ребёнку в утробе матери, который априори не сможет говорить, ходить и, наконец, жить. Наверное, нкито из нас никогда не осмелиться признаться об этом во всеуслышание». А в конце этими размышлениями он себя успокаивал: «Как бы это ни было бы тяжело, нестерпимо и мучительно, всё же эти чувства дороги и являются сладкой мечтой для нас обоих, которые всего лишь мечтают прожить в мире, где эти мечты могут стать явью».

...А когда доктор Эльшад месяц тому назад услышал от Сема весть о том, что у Гумру рак груди и её болезнь находится на последней стадии, то мир его сладких грёз рухнул. Сегодня же настал конец того мира. Он не верил, что женщина, лежащая перед ним с побледневшим набело, как лист тетради, с исхудавшим личиком, что эта женщина– Гумру. Безответные вопросы в его голове раздирали, душили всё его существо: «Почему же так случилось? Может, мы совершили грех, сделали неугодное Аллаху деяние? Нет, не верю, что, переживая несчастную любовь, мы совершили грех перед Всевышним. Это же невозможно, ведь любовь – самое любимое, благословляемое чувство нашим Господом. С этими чувствами мы приходим на свет, и до последнего вздоха находимся в объятиях этих чувств. Тогда отчего мы проживаем такую горь-

кую судьбу?»

Доктор Эльшад не хотел принимать то, что его люимый человек находится в таком состоянии. Когда он подумал о том, что этот человек проживает последние часы, может даже последние минуты своей жизни, он растрогался, его глаза прослезились, отвернув лицо, он посмотрел с окна во двор. Горечь окутала его сердце, и он едва сдержал себя, чтобы не зарыдать. Потерев рукой лоб, он тяжело задышал, и горестно вздохнул. Затем, повернувшись к больной, он осторожно взял её нежную, не различающуюся от белого одеяла хрупкую руки в свои руки. Пульс был слаб настолько, что почти не чувствовался. Вдруг глаза Гумру раскрылись. Когда она увидела того, к кому испытывала страсть, на её лик снизошла тёплая улыбка. Доктор Эльшад, гладя её руки, почувствовал в её глазах тоску, смешанную с радостью. Гумру приласкала его глазами, её взгляды были очень нежными и заботливыми. Послышался её обессиленный голос:

– Пожелала увидеть тебя на последнем дыхании... Не знаю, как так получилось,... но я очень полюбила тебя... Прости ...меня!...

Доктор Эльшад торопливо произнёс: «Зря...» – однако, не смог договорить. Прикрытием будто сдавленных тяжким грузом своих век, Гумру заставила его умолкнуть. Полные ужаса печальные мгновения последовали друг

за другом, и наконец, она с трудом промолвила:

– Видно, Аллах пожалел нас, и мы спаслись от этой беды… Пусть останется на память фото вместе со мной на твоём телефоне…

Голос Гумру стал неслышным, слёзы, текущие из её беспомощно глядящих глаз, создали тропку на её лице, а оттуда начали стекаться к шее. Доктор Эльшад вытер её глаза платком, который достал из кармана пиджака. От волнения всё его тело дрожало, как осиновый лист. Грустно нагнувшись, он поцеловал Гумру в лоб. Когда он выпрямлялся, то заметил её веки неподвижными, застывшими, а постепенно слабеющая рука так и осталась лежать на его руке. Неразделённая любовь в её глазах, а также усталость, наряду с тоской, бесконечная печаль и грустное вожделение потрясло всё существо доктора Эльшада, и он вздохнул с безграничной грустью.

Доктор Эльшад не чувствовал сколько прошло времени. Может день, может месяц, а может и год, как он, подперев рукой челюсть, смотрел на бездыханный лик очень любимой и желанной женщины, на ту, которую когда-то сторонился даже глядеть. «Вот и конец… Печальный конец неразделённой любви!. Любовь, о которой знал только Аллах и мы, мучительная, но и также подобно себе, как сладкие грёзы любовь!»

Громкое захлопывание входной двери и шумный голос Мурада оторвал доктора Эль-

шада от этих угнетающих мыслей. Он осторожно нагнулся в сторону Гумру, прикрыл рукой её веки, и внезапно… его глаза чуть было не вылезли из орбит. Гумру, чья душа отлетела от тела, и уже слилась с вечностью, её слёзы продолжали течь. Доктор Эльшад вытер платком лоб. Ему захотелось закричать воплем, что есть мочи, однако не смог. Но почувствовал, что слёзы текут внутрь и, капая на горящее сердце, подобно бензину жгут его, превращая в пепел. Доктор Эльшад, подобно человеку с многолетней усталостью встал с места и, взяв сумку, поплёлся к двери. В коридоре он столкнулся с тревожным взглядом Солмаз, прислонившейся к стене, увидел её бледное лицо. Прижавшийся к бабушке Мурад, также с удивлением взирал на него. Наполненный горестью голос Солмаз зазвенел в ушах доктора Эльшада:

– Как Гумру?

Доктор Эльшад отвернулся, чтобы скрыть полные слёз глаза, вздохнув и помолчав немного, промолвил:

– Уснула..., заснула глубоким сном... Наверное, никогда так сладко не спала.

Приблизившись, он поцеловал Мурада в лицо, зашагал в сторону двери. Внезапно остановившись, он в беспомощном состоянии, печальным взором посмотрел на Солмаз:

– Знаешь значение слова «Гумру»?

Солмаз, вытриая слёзы платком, покачала

головой. Доктор Эльшад еле слышным голосом:

– Гумру – вид голуби,... живущая кочевой жизнью, голубь с неизвестной родиной, – сказал он и грустными шагами вышел из двери. В этот миг страшный рыдающий голос перевернул нестерпимую тишину вокруг, и Солмаз сильно испугалась этого голоса. В таком замершем положении она оглянулась вокруг, затем следом за доктором Эльшадом бросилась в сторону двери. Парой толчков дверь чуть приоткрылась, и оттуда показались плечи доктора Эльшада. Она была поражена, увидев его, склонившись горько плачущим. Выпученными от удивления глазами она смотрела то на вздрагивающие плечи доктора Эльшада, то в сторону комнаты, где витал дух Гумру.

Ленкорань.
3-6 октября 2016 года.

МЕСТО МОГИЛЫ

(Рассказ)

Джаббар киши, являющийся одним из более-менее уважаемых людей села Бейляроба, в последнее время возвращался растроенным из сельской чайханы, куда он по обычаю ходил раз в день. Каждый раз хотя бы один человек жаловался ему на проделки его сына Мусы: то тот брал у кого-то под разными предлогами деньги, то брал в долг и не возвращал, то обманывал ложными обещаниями и вдобавок, смеялся. Из-за таких вот дел в селе все его звали – Дудук Муса. Муса никогда не приближался к беднякам, зная, что у них не так уж и много денег, несмотря на то, что при желании своим сладким языком, могущим выудить змею из норы, смог бы прибрать к рукам их последние гроши. Зато в селе он обманом выуживал деньги у таких богачей, чьи отцы скупились тратиться даже на саван. Прибранные деньги Муса тратил на застолья с сельскими прощелыгами. Поэтому несмотря на то, что он не имел уважения перед своим отцом, тем не менее, часть деревни его очень любила.

Однажды то, как, принявший по дороге в чайхану очередную порцию жалоб Джаббар киши, придя домой прогнал Мусу в летний зной до самой магистральной дороги, расположенной на значительном расстоянии от деревни,

некоторое время стало темой для обсуждения односельчан…

С тех пор, как Муса уехал в Россию и возвратился в село, прошло где-то семь лет. Многие его не узнали, когда он возвратился. Как будто это был не прежний Муса: он поправился, был аккуратно одет, даже характер изменился. Теперь он вёл себя солидно, старался избегать бывших собутыльников. А зависть матерей, не желавших выдавать за него своих дочерей, началась ещё несколько лет тому назад, когда Муса построил себе на отчей земле роскошный двухэтажный дом. Теперь и отец относился к нему с большим почтением.

Бытность Мусы хозяином такого богатства в селе каждый объяснял по-своему. Некоторые люди говорили, что Муса связан с криминальным миром, другая часть селян утверждала, что он сбежал, кинув партнёрам по бизнесу крупную сумму денег. Были даже такие, которые говорили, что Муса приказал убить русскую женщину, годящуюся ему в матери, с которой он вступил в законный брак, и тем самым овладел всем её наследством. Спустя два месяца после возвращения в село Муса женился на девушке в возрасте двадцати одного года, и свадьбу приурочил к своему сорокалетнему юбилею. Объединив две знаменательные даты, он совместно с избранными родственниками и друзьями торжественно справил свадьбу в одном из рестора-

нов райцентра. Теперь в селе никто уже не обзывал его Дурень Муса. Судачили, что Муса никого не обманул, никому не должен, оказывается ему дали эту кличку из-за того, что он играл на дудке, который смастерил из тростника.

Ввиду того, что возвращение Мусы совпало с образованием муниципалитетов, все нормально восприняли то, что он стал первым главой муниципалитета в селе. Все итак были уверены в том, что никто кроме Мусы не сможет потратиться на такое дело. Муса был человеком, видавшим виды. Он знал, что ему больше не выпадет такая возможность, поэтому дери столько, пока можно. Первым делом он заснял карту земельного фонда села с районного земельного отеделения. После этого он стал заниматься тем, чем занимаются муниципалитеты по всей стране. Люди, годами мечтающие приобрести участок земли и построить на нём дом, с мольбами давали деньги в руки Мусы. А он, получив разрешение верхов, не мешкая, налево-направо распродавал земли. По мере того, как на заработанных им деньгах росли нули, Муса всё молодел, и становился всё более властным. Он гордился тем, что был одним из первых в районе, кто приобрёл «Тойота Прадо». Не забыл он также и брать лучшие участки на имя каждого члена своей семьи, для бабушки и дедушки, чей возраст уже приближался к 75-80 годам, и даже некоторых близких родичей. Конечно, об этом

многие не знали, но всё село знало о том, что он оцепил железным забором площадь в несколько квадратных метров в возвышенном безводном месте сельского кладбища. На одном из застолий были и те, которые слышали от Мусы, что он намерен продасть землю, захваченную им у кладбища.

...В один из тех дней, когда с неба лилось пекло, проводивший пришедших к нему на приём различными обещаниями Муса, дымя чёрной длинной сигарой во рту встал с кресла. Встав у вентилятора, он несколько минут с закрытыми глазами вдыхал в лёгкие прохладный воздух. Когда он, повернувшись, открывал дверь приёмной, увидел женщину Махмар. Махмар жила по соседству с его дядей. Они считались одной из бедных семей в селе. Так было в последние годы, но до этого муж Махмар – Садых долгие годы был на должности. Бывший до войны секретарём сельсовета Садых и после возвращения с войны четырнадцать лет проработал на этой должности. Хотя Махмар была бекской дочерью, но из-за того, что сбежала с Садыхом, ей от отца ничего не досталось. Тяжесть вырастить единственного сына Хасрета, женить его, сделать главой семьи, выпала на её ношу. Никто в селе не видел, не слышал, чтобы Махмар обивала чей-то порог с просьбой, просила бы чего-нибудь у кого-либо. Однако теперь другая причина привела Махмар к этому порогу.

Женщина Махмар, увидев Мусу, сразу встала и поздоровалась. Затянув немного сигареты, нахмуренный Муса пробормотал:

– Эй, женщина, я же тебе послал ответ. Разве места тебе мало, что не можешь найти участка на такой большой территории?

Умоляющий взгляд женщины Махмар устремился на Мусу, и она вздохнув, начала:

– Врачи говорят, что моему сыну осталость жить несколько дней. Он завещал мне, чтобы его похоронили рядом с отцом. В том месте с одной стороны стоит могила, другую ты занял. Пожалуйста, отодвинь забор на два-три метра, дай место могилы для моего сыночка, чтобы его завещание исполнилось. Я попросила и у твоего отца, дяди, чтобы они тебе передали.

Муса, взяв в руку сигарету изо рта, сдвинул брови, и повысил голос:

– Эй, женщина, видно слов не понимаешь. Там нет места, чтобы похоронить твоего сына. И ещё я не принимаю заказы от покойников! Можешь идти!

Муса вновь засунув сигарету в рот, задымив прошёл в кабинет, и нарочно сильно хлопнул дверью. Женщина Махмар, засеменив ногами, вышла из здания. Иногда, вынув свой разноцветный платок с бокового кармана выцветшего халата, она вытирала слёзы, текущие на щёки.

...Всё произошло так быстро и неожиданно,

что никто не мог поверить. Дед и бабушка Мусы по отцу погибли в пожаре, возникшем от короткого замыкания на линии электропередачи, расположенной на крыше их дома. Не прошло и месяца, как автомобиль «Тойота Прадо», который Муса водил пьяным, возвращаясь со свадьбы, в котором также находились и его родители, попала в аварию. В тот день скончался его отец – Джаббар киши, а через неделю и мать – Гюльзар. Муса в тяжёлом состоянии попал в больницу. Он лечился там больше трёх месяцев. Когда он вернулся в село с деревянными костылями, то подъехал с машиной прямо к двери женщины Махмар. У дверей его встретил Хасрет. Тот самый Хасрет, которому врачи несколько месяцев тому назад предрекли, что жить ему осталось считанные дни. Хотя Хасрет и пригласил гостя домой, но тот не согласился. Лицо Мусы, увидевшего вышедшую на шум к двери женщину Махмар побледнело, как полотно. Хотя он приехал к ним во двор с переполненными эмоциями, но теперь не мог и рта раскрыть. Сев на стуле, поднесённой Махмар, поник головой вниз. Чтобы успокоить гостя, Махмар дружелюбно произнесла:

– Царство небесное твоим умершим! А тебе дай Бог здоровья.

– Нет, Махмар, больше не может быть и речи о моём здоровье.

– Зачем так говоришь, сынок?

Муса, грустно вздохнув, продолжил:

– Знаю, я обидел тебя, ты на меня обиделась. Может меня настигло твоё проклятие. Я приехал, чтобы попросить у тебя прощения.

У растроганной Махмар глаза наполнились слезами, но она постаралась взять себя в руки. С приятной улыбкой на лице она произнесла:

– Не будем вспоминать те тяжёлые дни... Милость Аллаха велика. Невозможно и дышать без Его позволения. Слава Богу, мой сын выздоровел, и теперь стоит рядом со мной. Видать, Всевышний не захотел дать мне испытание утратой ребёнка.

Махмар, уставив глаза на Мусу, замолчала. Тишину, давящую на перепонки, сама же Махмар и нарушила:

– Боишься, что прокляну, но не считаешься с тем, как ранил моё сердце. Наверное, ты не понимаешь, что мы на самом деле не являемся хозяевами сердца, которое несём на груди… Ранить сердце – большой грех, сынок… Хоть я и простила тебя после того, как мой сын выздоровел, но моё право было на тебе, и это право тебе не простил бы даже Аллах. Хорошо, что ты приехал, ибо простив тебя лично, и я избавилась от этой муки… Однако будет неплохо, если ты поищешь причину своих бед в других местах. А сейчас можешь подняться наверх, и быть моим гостем.

Муса, как бы подтверждая сказанное пару

раз покачал головой, взяв костыли, прислонённые к стулу, с трудом поднялся и стал молча тяжело ковылять в сторону машины, стоящей у двери.

...Не прошло и месяца, как Мусу похоронили в сельском кладбище, в последней могиле на территории, которую он оцепил.

Ленкорань.
5-6 ноября 2016 года.

ШЕСТОЙ ПАЛЕЦ

(Рассказ)

«Неблагодарное дитя – как шестой палец; отрежешь – заболит, оставишь – изуродует».

Азербайджанская пословица.

Послышался лязг ключей, а следом за ними с треском отворилась железная дверь. Открывшая дверь молодая женщина, увидав незнакомых мужчин, с удивлённым взглядом отступила на шаг назад. Мальчик лет 5-6, которого она держала за руку, то тянул за юбку женщины, то невольно кривляя руками и головой, делал странные движения, произносил нечленораздельные непонятные слова. Прижавшая к себе ребёнка женщина удивлённо спросила:

– Кто вам нужен?

Стоящий впереди всех Али Заминли, выпрямив стан, ответил с улыбкой:

– Это квартира Кямиля Пашаева?

В это время нескладный, небритый, с не видавшими расчёски растрёпанными, которые чуть было не падали ему на плечи, волосами молодой парень среднего роста, потянув назад женщину, подался вперёд:

– Слушаю вас.

От внимания Заминли не ускользнул вызывающий и немного высокомерный тон мо-

лодого парня, которого несомненно, лёгким толчком можно было бы уложить на земле. Но привыкший слышать такие слова, он перешёл на шутливый тон, чтобы придать беседе доброжелательный тон:

– Разве у вас не впускают с порога гостя, посланного Аллахом?

Молодой парень оглядел с ног до головы Заминли, стоящего рядом с ним мужчину средних лет, усмехнулся и в это время показались его пожелтевшие от сигарет зубы:

– Зачем так говорите? Если пришли с добрыми намерениями, то добро пожаловать, – сказал он, посторонившись, движением руки пригласил гостей в квартиру. – Проходите.

Когда внутрь вошли Заминли, мужчина средних лет, а следом за ними двое молодых полицейских, то молодого парня словно ударило током:

– Нет, так не пойдёт, мы так не договаривались. Не нужен мне такой гость от Аллаха. Прошу, выходите из квартиры. Говорю вам, выходите, уходите прочь отсюда.

Полицейские сразу преградили ему путь. Они ждали лишь знака от Заминли, чтобы скрутить ему руки и повалить на землю. Заминли, как выход из ситуации, предпочёл терпение.

– Кямиль, почему беспокоишься? Может, мы пришли с добрыми намерениями. Может, мы сможем помочь тебе и твоей семье.

– Мне не нужна ничья помощь. Вон из моего дома.

С боковой комнаты вышла пожилая женщина со светлым лицом. Взгляды женщины и Заминли встретились. Женщина, словно нашаливший ребёнок, опустив руки, понурила голову. Этот шаг Кямиля не мог остаться безответным. Настало время показать жёсткую сторону закона. В один миг улыбка слетела с лица Заминли.

– Кямиль, это неуместно. Видишь, что мы полицейские. Я заместитель начальника районной полиции – Али Заминли, а рядом со мной инспектор Оруджев и полицейские.

По знаку Заминли, Оруджев вынул из папки в руках бумагу, и протянул её ему.

– Пожалуйста, можешь ознакомиться с решением об обыске в твоём доме.

Кямиль словно с трудом разбирался в происходящем. С удивлением, полным страха он продолжал смотреть на полицейских, иногда ладонью правой руки вытирал пот со лба, облизывал пересохшие губы. Пожилая женщина, взяв за руку Кямиля, потянула за собой в большую комнату. Заминли и другие полицейские вошли в ту комнату. Заминли продолжил:

– Гражданин Кямиль Пашаев, вы подозреваетесь в хранении и использовании дома наркотических вещевств. Согласно требованию закона, если у вас дома есть наркотики, то тре-

буем предоставить их добровольно.

Капли пота, как жемчужины стекали вниз с обеих щёк. Оттого, что он не ответил на повторный запрос, Заминли отдал распоряжение провести обыск в квартире с участием Кямиля. После комнат и кухни полицейские вышли на балкон. Всё внимание Заминлибыло на тумбе, прислонённой к стене. Оруджев лично перерыл тумбу. Когда он покачал разочарованно головой, селезёнка Заминли начала колоть. То, как Кямиль с выпученными глазами уставился на тумбу, не ускользнуло от Заминли. В ванной комнате тоже всё было «чисто». Последним местом обыска стал туалет. Когда задержавшийся там около пяти минут Оруджев вышел оттуда, он повёл Заминли в сторону и что-то прошептал ему на ухо. Заминли, хотя и было видно, как он рассердился, постарался сохранять спокойствие. Он, дав распоряжение Оруджеву составить протокол обыска квартиры, словно сражённый вековой усталостью, поник на табуретку возле сколоченного руками стола на левом углу комнаты. Он устремил вопросительный взгляд на женщину, сидящую рядом, в табуретке, которая в течение всей операции сидела молча, поникнув головой.

...В тот день жара палящего солнца после дождя рождало духоту в воздухе. После обеда возвратившись в свой кабинет, Али Заминли почувствовал тревогу на душе. Чтобы успоко-

иться и снять усталость с головы, он прошёл в сад напротив отделения полиции. Он уселся на разукрашенной деревянной скамейке под любимым им огромным, ветвистым демирагачем, дарящим прохладу десяткам людей. Скрестив руки на груди, он вытянул ноги и, закрыв глаза начал сполна вдыхать прохладный ветерок с моря, расположенного примерно на расстоянии 700-800 метров. Он не чувствовал, как проходят минуты. Вдруг он услышал совсем рядом ласковый женский голос:

– Сынок, родимый, можно я отниму у тебя минутку?

Заминли открыл глаза, и увидел перед собой седовласую женщину, чьё лицо было полно света, и которая всё ещё не потеряла былой красоты и свежести, присущей истинно восточной женщине, и он невольно встал на ноги. На женщине, кому было примерно 65-70 лет, было старое, но чистое платье. Коричневая косынка на голове облегала её седые волосы. Морщины на лице ничуть не уменьшали её свежести. По лицу было видно, что её гложет горе, печаль. Женщина вполголоса сказала:

– Сынок, прости, что помешала твоему отдыху.

Заминли посмотрел на неё с тёплой улыбкой. Женщина, на чьём лице показались отблески радости, сразу продолжила:

– Я слышала, что ты недавно приехал в рай-

он, и все тебя хвалят. Пришла, может ты поможешь моему горю… Я сейчас в таком возрасте, что смерть в любой момент может постучаться ко мне в дверь.

– Пожалуйста, мать, слушаю вас.

Женщина худой рукой с набрякшими венами, чуть потянула косынку, отодвинув назад седые волосы. Её глаза задержались на неизвестной точке. Спустя время она начала:

– Я явилась к тебе затем, чтобы моего сына арестовали.

Заминли остановился, не вникнув в смысл услышанных слов, не знал, что сказать. Он с трудом попытался взять себя в руки:

– Мне на практике редко встречалось, чтобы мать добивалась ареста сына. В любом случае, мне интересна причина.

Женщина покачала головой, словно подтверждая услышанное:

– Конечно, ты прав. Тогда прости меня, если мой разговор тебя утомит.

– Не беспокойтесь.

Женщина вытерев кончиком косынки лоб, щёки и челюсть, оглянулась вокруг, а затем повернувшись к Заминли, начала:

– Меня зовут Хошбахт, моя фамилия Пашаева. Мой муж был одним из первых, кто открыл компанию в районе. Наше положение было очень хорошее, мы с семьёй жили жизнью, достойной восхищения, но… Всё изменилось после

внезапной смерти мужа. От выпивки, от этой дряной водки его печень покрылась циррозом. Когда узнали о болезни, было уже поздно. В России, в Иране не осталось врача, который бы его не обследовал, но тщетно. Всё что он заработал, унёс с собой. В это время моя дочь Нигяр вышла замуж, а сын, которого я ждала годами, был обручён. Хотя он был с высшим образованием, но не мог найти себе работу. Однажды Кямиль заявил мне, что хочет уехать в Россию, чтобы заработать на свадьбу, и я согласилась от безысходности. После двухлетней разлуки я смогла его вернуть, день и ночь моля об этом. Он также немного привёз с собой и денег. Кое-как справила для него свадьбу. Моя невестка Гюлюш очень воспитанная, порядочная и трудолюбивая девушка, и я люблю её как свою дочь. Жаль, что и её я тоже сделала несчастной. Этого Аллах мне не простит.

Хошбахт ханум замолчала, было видно, как она растрогалась, даже прослезилась. Она, быстро отвернув лицо, кончиком косынки вытерла глаза, и растроганным голосом попросила прощения:

– Простите, ради бога. У кого горе на душе – говорит много, думает, что кроме него больше ни у кого нет невзгод, и что все обязаны его слушать.

Заминли помог ей собраться с мыслями:

– Что вы сделали с невестой, что она стала

несчастной?

– Я несчастная, что я могу поделать? – Её тон невольно повысился, и она сама это осознала. От ощущения сожаления её лицо залила краска. Она тихо продолжила:

– Всё натворил мой сын... Бедняжка, моя невеста, с тех пор, как она переступила порог моего дома, у неё не было ни одного радостного дня. Её единственному сыну шесть лет, он глухонемой и умственно отсталый. Мы в такой яме, что не можем начать лечение ребёнка. Сынок, уже нет силы терпеть это горе.

Хотя с её глаз текли слёзы, но со стороны совсем не чувствовалось, что она плачет. Заминли был поражён: как можно беззвучно плакать? А Хошбахт ханум с надтреснутым голосом продолжила:

– Оказывется, мой сын вернулся с России наркоманом. Ни я, ни Гюлюш, которая тогда была его невестой, а теперь женой, не знали об этом. В одно время я не обращала внимание на то, как после свадьбы Кямиль ничем не занимался, каждый день пьяным возвращался домой. Вплоть до тех пор, пока Гюлюш не заметила, как на руках сына постоянно растёт число мест от уколов, а по ночам он принимает таблетки чёрного цвета вместо болеутоляющего. Затем мы видели, как постепенно исчезают вещи из дома. Под предлогом устройства на работу, он увёз с собой всё золото и драгоценно-

сти жены.

Хошбахт ханум, протянув левую руку, показала Заминли безымянный палец со страшно вырванной и зарубцевавшейся кожей:

– Я не могла дать денег, и он захотел кольцо на моём пальце, а когда я отказалась, то так потянул за кольцо, что вырвал её вместе с кожей пальца.

Заминли всё ещё с изумлением смотрел на протянутый к нему палец. Хошбахт ханум замолчала. Никто не спешил говорить. Немного погодя послышался её ироничный голос:

– Ирония судьбы, меня зовут Хошбахт, а невесту Гюлюш[1]. Но я лишилась счастья, а моя невеста – улыбки… Ну да ладно,... всё пройдёт. А теперь я хочу, чтобы моего сына арестовали. Нет сил больше терпеть.

Последняя просьба Хошбахт ханум было то, чтобы от её сына скрыли бы то, что она приходила жаловаться. Они условились на том, что она пойдёт домой, сразу позвонит по номеру, который дал ей Заминли, как только заметит наркоту, ложку для её нагревания, зажигалку и шприц, спрятанные её сыном на балконе, в тумбе. И после того, как она сообщив условную фразу, оперативная группа войдёт в квартиру…

Когда Оруджев протянул протокол для под-

1 Хошбахт – в переводе с азербайджанского языка означает «Счастье» (примечание переводчика).
Гюлюш – в переводе с азербайджанского языка означает «Смех» (примечание переводчика).

писи Кямилю, Хошбахт ханум подняла голову и встретилась взглядом с Заминли. Невозможно было не почувствовать страдание, боль на лице женщины. Это были чувства матери, пережившей неописуемые страдания, и насытившейся от мучений, а в конце после того, как материнское чувство победило в ней, выбросившей в туалет припрятанное в тумбе, и тем самым не захотевшей видеть родного сына в заключении. А её полный немой мольбы взгляд будто просил прощения у Заминли: «Что поделать, я не смогла совладать с сердцем. Аллах ничего не творит беспричинно. И если он мне дал этот шестой палец, то я обязана носить его, даже если уродливо выглядит. Прости меня, сынок!»

Выходя из квартиры, Заминли не забыл и высказать Кямилю всё, что было на душе:

– Не жалеешь себя, мать, супругу, так подумай хотя бы о больном сыне. Знай, что если ты в таком состоянии попадёшь в тюрьму, то оттуда уже выйдешь трупом.

Ребёнок, чьё внимание с утра было приковано на Заминли, неожиданно зарыдал, прижавшись к отцу. Кямиль, который впервые сталкивался с этим, был поражён и, обняв ребёнка, начал лизать его личико, словно соль. От изумления Хошбахт и Гюлюш стояли, как вкопанные. От увиденной сцены лицо Заминли тронула лёгкая улыбка, и он зашагал в сторону входной двери квартиры. Позади слышались

слова, которые Кямиль произносил в слезах, и которые эхом отдавались в стенах квартиры:

– Сынок, прости меня, пожалуйста. Смотри, даю слово, даю слово, что больше не притронусь к этой дряни. Поверь мне, сынок, поверь.

Ленкорань.
24-25 июня 2017 года.

61-ая МИНУТА ЧАСА
(*Рассказ*)

В этот день его тело сильно болело. Вернее, болело всё тело, а сердечные колики его совсем доконали. Вдобавок, сильно заскочившие вверх в последние дни давление и диабет не были намерены опускаться, и даже не покорялись лекарствам. По этой причине он не переставал брюзжать, а иногда не сдерживал себя и от сквернословия:

– О Господи! Ты создал меня, чтобы я страдал? В чём мой грех, что ты в этом мире обрекаешь меня на адские муки? Разве совестливо столько мучить своё творение?

Хунар, мучаясь от боли снял протезные обуви с правой ноги, затем опершись на костыль, с трудом поднялся по лестнице. Почувствовав, что вспотел, он вынул платок из левого кармана и вытер капли пота, выстроенные по ровной линии. Пройдя в коридор осторожным шагом, он сел в потрёпанное кресло с полинявшей, превратившейся в сито тканью напротив журнального столика, и снова вытер платком лоб. Он посмотрел на часы на стене, было двадцать минут 12-го. Погода была очень мрачной. Небо стемнело, и от недавней лазури не осталось и следа. Словно небо закрыли чёрным покрывалом. Такая угрюмая, тоскливая погода часто

встречается осенью. А надетый на колено протез сегодня мучил его как никогда. Дома, кроме тринадцатилетнего сына Ниджата никого не было. Он недавно вернулся с уроков. Проходя в коридор, Хунар увидел, как тот ел намазанный на хлеб масло. Позвав Ниджата, он попросил его подать ему чаю и включить телевизор на верхнем углу. Ниджат, жуя кусок, поставил на стол наполненный стакан чая с блюдцем, затем подсоединив телевизор к розетке, снова вернулся на кухню. С экрана шёл очень громкий шум. Напротив ведущей светловолосой девушки, стоявшей у маленькой трибуны, установленной в верхней части, трое жирных мужчин-спикеров с наполовину ослабленными галстуками, пуговицы чьих пиджаков не могли даже закрыться, усевшись в мягких креслах, обсуждали события в Нагорном Карабахе, пути освобождения земель. А собравшиеся в студию ученики какого-то лицея иногда пошагово адресовали спикерам вопросы, которые им были заранее вручены. Хунар хотел было сменить канал, как услыхав разговор одного из спикеров, прислушался:

– Верно, армяне добровольно не вернут землю. Нигде ещё захваченная на войне земля не возвращалась обратно просьбами. Сегодня у нас есть все возможности, чтобы изгнать с наших земель армян до последнего человека, но мы не хотим войны. Мы хотим, чтобы этот во-

прос решился мирным путём, а если понадобится, то мы сделаем это силой.

Ярость душила Хунара, сосуды на висках растянулись как натянутый лук, лицо его почернело, и он с прищуренными глазами покачал головой. Он тихим, но явно сердитым тоном пробормотал:

– Мы смогли бы давно освободить Карабах и с половиной юношей, погибших во время перемирия, как вы его называете. Однако мы всё ещё ждём эту бессовестную Необходимость, а этот сукин сын никак не может прийти, и не похоже, чтобы пришёл.

Хунар так потянул за ремешки протеза, что те чуть было не лопнули. Нагнувшись, он с трудом сняв протез, прислонил его к боку шкафа, и сразу же с остервенением начал чесать то место, где колено примыкало к протезу. Затем он как бы успокоился, погладил то место и, подняв, положил на кресло, глубоко вздохнул, откинув спину назад, закрыл глаза. Когда он проснулся, то не узнал, сколько времени пробыл в таком положении, и даже не вспомнил, о чём он думал всё это время. Но, когда он раскрыл глаза, то его взгляд неожиданно встретился с протезной ногой, прислонённой к шкафу. Он испугался, словно домой принесли часть его ноги, кого-то порезав на куски. От той отрезанной ноги утекло столько крови, что цвет его весь пожелтел. Хунар на миг оцепенел, грусть, печаль комом

схватили его за горло, сердце сжалось. Хотя и протез заменял ему половинчатую ногу, но на самом деле напомнил об оборванной наполовине жизни. На миг он почувствовал во рту солёный привкус. Он понял, что это привкус слезы, потекшей от морщин, потрескавшейся от жажды землянистого лица к губам, а оттуда и в рот. Воспоминания унесли его ровно на двадцать лет назад.

...Была середина августа 1991 года. Хотя была самая жаркая пора лета, но в горах было прохладно. Как и все женщины села, Нурана, встав рано утром, подмела лестницу, накормила телят, надоила коров. Положив молоко в ведре на балкон, снова возвращалась было в сарай, чтобы выпустить скот на пастбище, как открылись ворота двора. Она не поверила глазам. Это был её сын Хунар. Его прибытие ранним утром, притом с красивой девушкой, основательно её спутало, и она вдруг: «Да буду я жертвой дорогам, по которым ты прибыл, сынок!» – и бросилась к сыну. Мать и сын обнялись, поцеловались. А когда Нурана повернулась в сторону девушки, глядящей на неё со стороны с волнением и немного со страхом, Хунар произнёс:

– Мама, эта девушка – моя однокурсница Лейла.

Нурана чуть опешившим взглядом посмотрела на девушку. От этого взгляда всё тело Лейлы задрожало, щёки загорелись. От волне-

ния чуть было не потеряла равновесие, не упала в обморок. Хунар, быстро взяв её за руку, продолжил:

– Мама, мы с Лейлой любим друг друга. Она сбежала со мной, потому что её насильно обручили с другим.

Нурана на миг замерла, не знала, что делать. От пугливого взгляда девушки её сердце ёкнуло, она и её обняла, расцеловала в лицо. Хунар радостно прижался к матери. Вдруг Нурана, словно пробудившись ото сна, спешно произнесла:

– А, сынок, скоро твой отец проснётся, я должна накормить, проводить его в школу. И ещё его надо подготовить к этой новости, а то от неожиданного приезда Аллах ведает, что произойдёт.

Нурана, взяв за руку молодых людей, сделала несколько шагов по направлению к дому, затем остановившись, повернулась к Хунару:

– Вы пройдите в гостиную, не выходите наружу, пока я не позову. Я скоро вернусь, как только выпущу животных на пастбище.

Нурана спешно выпустила животных из сарая. Их обычная неторопливая ходьба вывела её из терпения. Коров, которых она обычно ласкала, на этот раз не только пару раз обозвала, но и даже ударила хворостинкой. Ей было как день ясно, что Асиф муаллим не простит сына за этот проступок. Поэтому нельзя было опаз-

дывать. Не проводив животных до пастбища, она вернулась обратно, но по дороге два-три раза обернувшись, посмотрела на животных, увидев, что те направляются прямо к пастбищу, уверенно ускорила шаги.

Нурана лучше всех знала, что у Асиф муаллима тяжёлый характер. Также она знала и то, что события происходящие в последние месяцы в Степанакерте, случаи убийств армянами невинных азербайджанцев его очень тревожили. Он злился от неблагодарности армян, с которыми они годами делили хлеб-соль, принимали в родном очаге, как самых дорогих гостей. Он даже словно предчувствовал, что все происходящие события являются предшественниками большой трагедии. Он часто рассказывал о том, как работая десять лет тому назад учителем в Степанакерте, много общался в те годы с армянами, хорошо их знал, их вражду к тюркам-азери, как предупреждал о том, что никто не сможет раскрыть их намерений. А ещё он никак не мог забыть о том, как в те годы, работавшая в их школе учительница-азербайджанка была изнасилована и зверски убита группой молодых армян. Он с жаром повествовал о том, как его вместе с тремя учителями выгнали с работы из-за того, что он выразил протест этому событию, как спустя несколько месяцев он с трудом устроился учителем в сельскую школу. Всё это ещё более осложняло итак тяжёлый нрав Асиф

муаллима, делали его нетерпеливым и раздражительным. А этот поступок Хунара был сродни тому, чтобы полить нефть на жаровню, и Нурана, знавшая о том, что это спалит всех и всё вокруг, очень остерегалась.

Хотя она не осмелилась не сказать ни слова Асиф муаллиму до тех пор, пока он не ушёл на работу, но после его возвращения, она рассказала ему обо всём, и позвала к нему Хунара и Лейлу. Асиф муаллим ни с кем из них не поздоровался. Нурана отвела Лейлу в гостиную, и за дверью слышала сердитый голос Асиф муаллима, дрожала, представляя перед глазами его сердитый вид:

– Ты мой единственный сын, тебе всего 23 года, и у тебя ещё два года до окончания университета. Думал, заочно учишься, найду тебе в районе работу. А ты явился ко мне, притащив за собой девушку. Сама девушка ребёнок, не смотри, что она студентка университета, ей всего 19 лет, она лишь первый курс окончила. Не знаем, что на это скажут её родители. Поэтому сегодня же вернувшись, отведёшь девушку туда, откуда её забрал. Чтобы больше не возвращаться к этой теме.

Нурана спала ночью с Лейлой в одной комнате, подумала, что нет худа без добра, они ещё молоды, нельзя вместе держать огонь и хлопок. Всю ночь говорила с ней. Узнала, что родители Лейлы живут в одном из южных районов респу-

блики. Её отец долгие годы работает врачом в больнице, он один из видных людей в районе. Три месяца тому назад во время каникул к ним в дом приходил старший дядя, сватал её за своего сына. С мольбой Лейла смогла получить отсрочку до окончания первого курса. Её целью было поговорить с Хунаром, с кем она случайно познакомилась в метро пять месяцев назад. Когда Хунарприехал на летнюю сессию, он встретился с ней и решил сбежать. Нурана поразилась чистоте, непорочности этой талышки. Хотя она не сомневалась в её чистой любви к сыну, но всё же посоветовала ей выйти замуж с умом, с терпением, с благословения родителей. Лейла была тверда в своём решении. Рано утром Нурана проводила молодых людей так же как и приняла. Не забыла она также тайком шепнуть на ухо сына просьбу о том, чтобы он с уважением отнёсся к решению отца, чтобы не осложнял бы ещё больше их жизнь в это и так непростое время…

Хунар поленился закрепить протез на ногу, потянул руку к костыли, выпрямился с трудом и подошёл к окну, выходящему во двор. Он сел, придвинув к себе близлежащий стул. Вынув коробку сигарет и спичку из нагрудного кармана рубашки, он положил их на подоконник. Некторое время он прислушался. Везде было тихо. Жара Мугани не давала дышать. Хунар вспомнил свои родные места, высокие горы, на

которые он когда-то не обращал внимания, зелёные деревья, фруктовые сады, а вспомнив о чистом, прозрачном воздухе, несущим облегчение сердцу, он растрогался. Он подумал: «Лейла действительно меня сильно полюбила, как говорится, всем пожертвовала ради меня, прошла невероятные мучения. Ну и что, мы же не смогли стать счастливыми. Кто знает, мы прожили такую жизнь в страданиях из-за того, что никто из нас не получил благословения родителей. А может причина совсем иная?» Он зажёг одну сигарету, положил в рот, и его снова окутали воспоминания.

... Лейла услышала от своих родителей по телефону то же самое, что было сказано Хунарю, но более твёрдо и более решительно. Молодые люди в одно время оборвали связь с домами, стали жить, арендовав квартиру в Баку. Посещаемость Лейлой уроков в течение двух месяцев постепенно ослабло, а затем вовсе прекратилось. Случайная встреча Хунара в городе со своим односельчанином Теймуром, бывшим на пятнадцать лет старше него самого, изменило их жизнь в совершенно ином направлении. Хунар, взяв молодую жену, уехал в Россию, в город Рязань. Надо отдать должное, Теймур проявил к ним большую заботу, бесплатно дал им один из домов для временного проживания, поставил Хунара контролёром в большом маркете.

Дни текли незаметно, быстро. Они были

счастливы, материальное положение тоже постепенно налаживалось. А вопросом ребёнка супруги по обоюдному согласию решили заняться после того, как у них будет собственный дом, и положение станет нормальным. Всё было хорошо, но внутри обоих жило чувство тревоги, тоски и любви по родным. Была уже середина августа 1993 года. В один прекрасный день Теймур одним разговором вновь изменил их жизни, на этот раз в соверешнно противоположном направлении. Он сообщил им о неописуемых зверствах, совершённых армянами в Ходжалы, о захвате и разрушении Шуши, Лачина, Ходжавенда и Агдама, об опасности, нависшей уже над Джебраилом, Физули, Губадлы и может даже Зангиланом, где они выросли, о том, что они могут быть захвачены в любой момент. Когда профессиональный военный Теймур заявил, что, продав все объекты, вместе с семьёй вернётся в район, Хунару не оставалось ничего иного, как присоединиться к нему...

Асиф муаллим встретил сына и невесту тяжелобольным, в постели. Эта сцена до конца жизни будет сжигать Хунара, но с другой стороны он остался доволен Аллахом, что родной отец простился с жизнью на его руках, несмотря на то, что не разговаривал ни с ним, ни с его женой. Учитывая создавшееся тяжёлое положение, в расположенном в райцентре его дворе, не установили даже палатку. Как он слышал,

район находился в полностью беззащитном состоянии. Даже были и те, кто говорил, что через пару недель армяне оккупируют все эти районы. Явившийся на меджлис на третий день поминок Теймур сказал о том, что сражается в добровольческом батальоне самообороны. И на этот раз несколько его слов разбудили Хунара с места, и этим он поставил крест на всех своих желаниях и мечтах. В тот день Хунар тоже записался в батальон, и в тот же день, надев на себя военную форму, встал на защиту района. Он днями не мог получать вестей от матери и жены. А через несколько дней захват соседних Джебраила, Физули и Губадлы сделало положение крайне опасным…

Хунар выбросил во двор окурок сигареты. Вдруг он ощутил за спиной тёплое дыхание. Это был его сын Ниджат, смотрел на него полным удивления взглядом. Ниджат спросил взволнованным голосом:

– Отец, как ты? Ничто не тревожит тебя?

– Нет, сынок, всё в порядке. На работу идёшь?

– Да, отец. Мастер сказал, что поедет в Баку, чтобы купить материалы. Он захотел, чтобы я поехал вместе с ним, так как завтра воскресенье. Отец, я поеду, если ты дашь согласие.

– Ладно, что ж, поедешь. Но береги себя.

– Хорошо. Отец, ты в чём-нибудь нуждаешься?

– Спасибо, сынок. Езжай, да поможет тебе Аллах.

Хунар грустным взглядом наблюдал за сыном, пока он не исчез из виду за дверью двора. Внезапно ком прилип к его горлу, глаза прослезились. Хотя он попытался овладеть собой, но не смог. Слёзы из глаз, будто соревнуясь, быстро скатывались с морщин на лице на губы, на челюсть, а оттуда на грудь. Он вынул из кармана всё ещё пахнущий потом платок и, приложив его к лицу, зарыдал. В последние годы он дважды так плакал: когда на тринадцатый год беженеческой жизни, в день рождения отца, мать Нурана последовала за ним, и четыре года тому назад, когда он навсегда потерял, скончавшуюся от рака груди любимую Лейлу. Каждый раз, беседуя с Ниджатом, вспомнив о Лейле, он чуть было не задыхался. «Бедняжка, она не увидела счастья в мире, отвернувшись от столь хорошей жизни, посвятила мне свою жизнь. Не осталось мук, страданий, какие б она не перенесла. Спасибо её отцу, хоть поздно, но всё же забыв обиду, он помирился с дочерью. Он тратил немыслимые деньги, дабы она смогла родить. Несмотря на беженеческую жизнь, для нас построил дом, и сполна вернул дочери долг приданого. А предложение купить в Баку дом Лейла отклонила, заявив, что все родственники Хунара здесь, в лагере для беженцев, мы не сможем уехать далеко. И этого Аллах посчитал для нас слишком

много. Ровно спустя тринадцать месяцев после смерти Лейлы, её отец тоже скончался. Теперь мы остались с Ниджатом одни. Бедный мой сын, днём и ночью он работает, чтобы мы не были бы ни от кого зависимы. Выполняет домашнюю работу, ходит в школу, а после уроков спешит на работу к автомобильному мастеру, у которого является учеником. А я...»

Хунар, задыхаясь от боли, нагнул голову вниз, к отрезанной ниже колена ноге, он приласкал его рукой и горько вздохнув, поднял голову. Каждый миг того страшного дня представал перед его глазами.

...Шёл второй день, как несколько солдат добровольческого батальона дежурили на позиции на территории села Ходжахан, приграничного с районом Губадлы, находящимся под контролем армян. Была середина зимы, холод пробирал аж до костей. Всюду было покрыто белым снегом. Солдаты, укрывшись, из-за грязи поменявшие свой цвет, в старые советские шинели, внимательно наблюдали за противоположной стороной. У них было точное сообщение о том, что армянские разведчики устроились в засаде на стороне реки Хакяри, близкой к Губадлы. Отряд, в котором находился Хунар недавно сменил стоящих на посту. Хунар хорошо знал эту территорию. Он неоднократно проезжал отсюда, так как эти места считались объездной дорогой в Губадлы. Солдаты, прислонившись к

стене постройки с полуразрушенной крышей, продолжали наблюдать за округой. Внезапно, увидев двух человек, ходящих по мосту на реке с противоположной стороны, солдаты невольно приложили руку к оружию. Хунар тоже взявшись за приклад своего автомата Калашникова, прижал его к груди. Самый молодой из солдат сказал, что идущие люди – это женщина с мальчиком. Солдаты успокоились, зная, что на противоположной стороне, на другой половине села всё ещё оставались азербайджанцы. Наверное, кто-то приходил навестить родственников. По их походке было видно, что и мост покрылся льдом. Хунар со стороны наблюдал, как несмотря на то, что женщина держала ребёнка за руку, тот иногда скользил так, что чуть было не падал. Всё произошло неожиданно. Ребёнок выпал из рук женщины, чья нога поскользнулась, и с не очень высокого моста упал в реку, в её ледяную воду. Всё ещё не отрывающий взгляда от моста Хунар резко поднялся и побежал в сторону моста. Товарищи сначала не поняли, куда бежит Хунар, а когда они поняли и стали кричать: «Хунар, Хунар!», было уже поздно. Со стороны слышался непонятный крик женщины. Хунар в мгновение ока прибежал к мосту, на миг остановился, услышав крик женщины на армянском, но когда увидел барахтающегося в реке ребёнка, снова побежав вперёд, бросился в реку, и, схватив за руку уже тонущего ребёнка

трех-четырех лет, потянул его к себе, с трудом вытащил его на противоположный берег стремительной реки. Хунар, почувствовавший, как за миг всё его тело обледнело, вновь поднялся, взяв ребёнка на руки. Он сделал пару шагов, как свист пуль заглушил даже крик женщины. Хунар упал на спину на землю, а упавший ребёнок, поднявшись, побежал к женщине. Его товарищи, в мгновение ока выйдя из постройки, начали двигаться вперёд, накрыв пулевым дождём противоположную сторону реки. Хунар на снегу приполз в сторону товарищей. Солдаты, взяв его за руки, волоча привели к постройке. Пуля снайпера, попав в бедро правой ноги, разорвала мышцу вместе с костью. Следы алой крови на белом снегу издали напоминали тропинку. Один из солдат, живо раздевшись, снял свою майку, и ею жгутом накрепко перевязал ногу Хунара, чтобы остановить кровь. Таща Хунара, его в собственной шинели потащили в сторону, а оттуда дорожная машина отвезла его прямо в больницу. Хунар, через два дня узнав о том, что его правая нога ампутирована ниже колена, пережил самые тяжёлые, мучительные мгновения своей жизни. Он до последнего дыхания не забудет момент рыдания матери и жены, когда он вернулся домой с костылями. Позже, когда его боевые товарищи неоднократно твердили ему о том, что он искалечил себя ради армянского щенка, ответ Хунара был одинаковым:

«Дети невинны, какой бы нации они ни принадлежали». А когда ему напоминали поговорку о том, что «Детёныш волка станет волком», ему не оставалось ничего иного, как горько вздыхать, глядя на свою отрезанную ногу...

Хунар встал с места с левой ноги, правой рукой взял костыль, прислонённый к стене. В телевизоре всё ещё продолжались дебаты, связанные с освобождением Карабаха. Говорили, что наш народ является потомком Хатаи, Кёроглу, Бабека, что у него славная героическая история, что не отдадим врагу Карабах. Губы Хунара дрожали от злости. Однако когда он увидел фотографию на стене в красивой рамке, то больше уже не слышал разговоров в телевизоре. Взяв фотографию, он сел в кресло. Он был вне себя, словно глаза застилал туман, тяжёлое дыхание чуть не прерывалось. Хотя он знал кто на фотографии за стеклом, тем не менее, сейчас не мог их распознать. Повернув, он ослабил металлические застёжки рамки, и, взяв фотографию на руки, представил её перед глазами. Эта была фотография, где они снялись вместе с Лейлой на бульваре в первый месяц их женитьбы. Эта фотография была памятью радостных дней, мгновением счастливой жизни. На фото оба смеялись, с их глаз сочилась радость. Он вспомнил, что за десять минут до того как сфотографироваться, впервые на улице, под ясным небом Лейла неожиданно поцеловала его

в лицо. А причиной тому было изобретение Хунаром, по специальности являющимся математиком, математической формулы настоящей, чистой любви. Формула та была такой: 1+1=1. А её решение означало соединение в одной душе двух любящих сердец, их бытность одним целым, их одно дыхание и одна жизнь. Услышавшая это Лейла как же от души засмеялась, обняла и расцеловала его, прохожие, может быть, подумали, что эта девушка сошла с ума. От этих мыслей губы Хунара расплылись, и лицо озарилось улыбкой. Хунар вытер тыльной стороной руки слёзы, причину коих он не знал впервые в жизни. Хотя с тех пор прошли годы, но только сейчас он понял, что его душа осталась половинчатой, как и тело, а подобная жизнь для него тяжела, причём, слишком тяжела.

Хунар грустно обвёл глазами фото, затем приблизив к губам, закрыл глаза.

Часы на стенах показывали 61-ю минуту.

...Спустя полтора дня родственники, соседи с трудом смогли взять помятое фото между отёкшими пальцами Хунара.

Баку.
19-21 января 2018 года.

ХАТИКО

(Рассказ)

Белый пёс по кличке Хатико, принадлежащий профессору Токийского Университета – Хидебуро Уэно после внезапной кончины своего хозяина в 1925 году каждый день в течение десяти лет приходил на станцию Шебуя, где его когда-то провожал и встречал, ждал его и там же скончался. В честь пса в Японии был объявлен однодневный траур. С тех пор посещение памятника, воздвигнутого в честь Хатико на той станции, является излюбленным ритуалом японцев и приезжих туристов. С 1935 года чучело Хатико хранится в музее в Токио. А в 2009 году в Голливуде был снят художественный фильм под названием «Хатико: Самый верный друг», который перенёс на киноленту историю жизни этого верного пса.

Неживший в кресле под беседкой от тепла осеннего солнца Гашам, открыл глаза от лая. Прильнувший к его искалеченный ноге, лежащий на земле белый пёс, уставившись на него, тихо лаял. Лицо Гашама, в очередной раз восхищённого красотой пса, озарилось радостью. «Это неразумное животное, не способное разговаривать на человеческом языке, Творец одарил особой красотой» – подумал он, но тут же исправил свою ошибку: «Нет, говоря «неразумный», я впадаю в грех». Гашам словно ис-

купая свою вину, тихонько кликнул: «Хатико». Привставший пёс прижался к Гашаму, и с необычной теплотой, продолжил лаять. Даже со стороны чувствовалось, как было приятно псу, голос которого изменялся от поглаживания его головы, спины. Также невозможно было не заметить радость, восторг Гашама. Гашам, раскинувшись в кресле, вновь закрыл глаза. Перед его глазами кинолентой прошли мгновения его встречи с этим белым «красавцем»:

– После Карабахской войны тяжёлое пулевое ранение в левой ноге месяцами меня сильно мучило. Хотя ту ногу, что была результатом болезни диабета и прооперировали, но я остался инвалидом. Я редко выходил во двор, всё время кое-как проводил время дома, во дворе. Но трижды в год навещать в городском кладбище могилу моего друга Амраха, который вырвал меня из лап смерти, поволок, можно сказать, мой труп из места сражения, оставалось моей самой важной обязанностью. Я уже привык навещать своего друга в одни и те же дни первых трёх месяцев каждого года: 21 января – день рождения, 21 февраля – день его гибели, а 21 марта – праздничный день.

Я вышел из дома, чтобы навестить его во второй раз в этом году. Хотя и малая чилля[2] уже прошла, но её сила, гнев всё ещё чувство-

2 Большая и малая чилля – изменения погодных явлений, резкое похолодание, за месяц перед праздником Новруз (примечание переводчика).

вались. На самом деле, начавшийсяс 20 февраля и продолжающийся месяц «ненастный месяц», не отставал от чилля. То, как погода менялась чуть ли не каждый день и даже час, было предвестником этого ненастья. Хотя от выпавшего в последний день чилля снега всё было покрыто белым покрывалом, но в воздухе уже ощущалась погожесть. Хруст снежинок под ногами рождал в человеке необычное настроение. От этого хруста, идущего из-под ног и распространяющегося по всему телу, у меня поднималось настроение. То, что маршрутный автобус проезжал мимо кладбища, было для меня очень кстати. Там я спускаюсь с автобуса, и там же сев обратно, возвращаюсь к себе.

Кажется я был первым, кто прошёл через ворота кладбища. Не считая безмолвно глядящих могил, всюду было покрыто снегом. Не было движения, и на снегу будто бы прочертили линейку. По проторенной тропке я направился к могиле друга. В это время моё внимание привлекли следы на белом снегу, идущие вплоть от ограды. Они были больше похожи на собачьи следы. Я не ошибся, рядом с могилой в нескольких метрах от могилы друга я заметил, сидящего на задних лапах пса нескольких месяцев от роду, который, если не заметить чёрных глаз и носа, не выделялся посреди снега. После того, как прочитав суру «Фатиха» и совершив салават над могилой своего друга, я обернулся к

проторенной тропке, моё внимание снова привлёк тот белый пёсик. Он сидел в той же позе, повернул морду к доске, вкопанной на место надгробия. По отсутствию надгробия было видно, что покойного похоронили недавно. Несмотря на то, что я, нагнувшись приласкал пса, но он на это никак не отреагировал. Я оторвав кусок от хлеба, который из-за болезни носил при себе, кинул его псу. Но пёс не обратил внимания даже на черневший на снегу кусок хлеба. Я проторенной собою тропинкой вышел из кладбища…

На Новруз-байрам после посещения родителей, я отправился в город автобусом. Повсюду ощущалось приятное настроение, которое приносило с собой дыхание Новруза. Цветы на деревьях, зелень вокруг дарили свет, радость сердцу человека. На городском кладбище также было полно народу. От зажигания свечей, зелёных семени, праздничных даров, возложенных на могильные камни, люди словно находили успокоение. Я прочёв фатиху покойным, покоившимся под зелёной черепичной крышей с покрытием из метлаха, прямиком направился к могиле Амраха. Пёс, присевший на землю у могилы из простого камня, вновь привлёк моё внимание. Я заметил как он похудел, осунулся. Он стоял, остановив взгляд на фотографии молодого человека на надгробии. Навестив могилу своего друга, я осторожно подошёл к псу. Стоявший у соседней могилы мужчина средних

лет, увидев, как я внимательно разглядываю пса, сказал очень грустные вещи:

– Это могила Этибара, сына некой вдовы. Он скончался от болезни полтора месяца тому назад. А пёсик, которого он держал с младенчества, вместе с трупом покойного пришёл на кладбище, и с тех пор околачивается тут. И каждый день навещает его могилу.

От изумления я стоял, как вкопанный, и не мог оторвать взгляда от пса. Пёс витал в облаках. Вынув кусок хлеба из кармана, я бросил ему. Пёс вначале посмотрел на меня, затем залаяв, опустил голову, и начал есть хлеб. Я побеспокоился, когда увидел, что он, взяв хлеб, с трудом его пережёвывает. Пригнувшись, я погладил ему спину, приласкал его морду. Когда он на моих руках выходил из кладбища, ещё слышался его лай, но голос был очень слабым.

Пса по дороге я назвал откуда-то зацепившимся в моей памяти именем «Хатико», считающимся в Японии символом верности и преданности. Предположение не обмануло меня. Позже я услышал, что того пса в младенчестве Этибар приобрёл у одного японца, с кем встретился в Москве, привёз домой, и смог ухаживать за ним лишь четыре-пять месяцев...

Уже больше восьми месяцев, как Гашам содержал Хатико. За это время и Хатико вырос, окреп, повзрослел. То, что Хатико понимал человеческий язык, и даже делал то, что он желал,

было настоящим чудом для Гашама. Одним из необычных движений Хатико было то, что он лаял, потерев головой об искалеченную ногу Гашамя, вертя хвостом. Это повторялось несколько раз в день. Гашам верил в то, что пёс лает неспроста, это какой-нибудь тайный разговор, благословение.

...Хатико снова потерев головой об искалеченную ногу Гашама, залаял. В это время открылись ворота, и внутрь вошёл Фикрет, кто когда-то был соседом и одноклассником Гашама. Друзья горячо поздоровались. Они только справились друг о друге, как молодая невеста положила на стол под беседкой чайник, наполненный чаем, стаканы, блюдца и хрустальную вазу, полную сладостей. Фикрет жил в Баку, два-три раза в год приезжал в деревню, и в каждый приезд обязательно встречался с Гашамом. Друзья, попивая чай, поговорили о том о сём, о положении людей, даже о политической обстановке. Вдруг Фикрет сменил разговор на неожиданную для Гашама тему:

– Ну никак я не могу принять то, что эти армяне приезжают в Баку, как гости.

– Ты прав, я тоже с тобой согласен.

Фикрет рассказал о том, как слышал и знал о некоторых моментах, как армяне годами совершали зверства, как в последние годы снайперскими выстрелами убивали даже детей, а теперь нагло разгуливали по улицам Баку. Вни-

мательно слушавший друга Гашам огорчённо произнёс:

– Видишь-да сукиных детей? Ни стыда, ни совести. Эти неверные псы всегда были нам врагами, ели наш хлеб, а в спину вонзали кинжал.

Как только Гашам закончил, «Хатико» отойдя от его искалеченной ноги, отошёл в сторону и присев на пол, начал тихо скулить. Хотя Гашам и кликнул пса к себе, но он не отозвался. Он в душе разгневался на «Хатико», который впервые за восемь месяцев не откликнулся на его зов, но, стараясь этого не выдать, продолжил:

– В последние дни новости о том, как наши солдаты становятся шехидами очень меня огорчает. Эти подлые псы показывают себя невинными ангелами, но выпускают яд, как только находят возможность. Армяне не смогут встретиться с нами лицом к лицу. Они лают на нас, спрятавшись за спинами своих покровителей. Они ещё не видели силу, мощь нашего народа. Увидишь, в конце они сдохнут как собаки. Недалёк тот день.

Друзья, выразив сожаление произошедшим событиям, сменили разговор. Фикрет ушёл рано, заявив, что у него срочное дело. Гашам встал, прижавшись к столу, но от боли не смог сделать и шага, и довольствовался тем, что попрощался с другом на месте. Как только закрылись ворота двора, Гашам повернулся к

«Хатико», который сидел немного в сторонке на полу и выл. То, что он и на этот раз не отозвался, вывело его из терпения, и он хоть с трудом, но всё же встал со своего места. Приблизившись к «Хатико», он пригладил ему спину, но пёс никак не отреагировал и стал выть ещё громче. Гашам присел на пол. Взяв на руки «Хатико» повернул его голову к себе, и ужаснулся от увиденной сцены: из обеих глаз «Хатико» текли слёзы. Гашам, вытря глаза любимого пса, захотел поцеловать его в морду. От того, как тот перестав выть, повернул голову в сторону, сразу понял, что пёс на него обижен. В горле Гашама застрял ком, и он, прижав пса к груди, умоляющим голосом повторил эти слова:

– Прости, прости меня «Хатико»! Я обидел тебя, наговорил на тебя, обвинил в измене, в предательстве. Прости меня, мой друг!»…

Баку.
1 марта 2018 года.

ВРЕМЕНА ГОДА ЖИЗНИ

(Рассказ)

Несмотря на то, что была самая середина **Зимы**, вдобавок воскресенье, у меня не осталось иного выхода, как выполнить обещание прогуляться, данное мною младшему сыну. После обеда вместе с семьёй мы в моей машине Жигули 06 модели выехали в дорогу. Наше прибытие на бульвар из Ахмедлы заняло примерно полчаса. Я остановил машину напротив Дома правительства. Мы начали гулять по бульвару. Супруга Самая взяла за руку моего сына Алтая, которому через две недели исполнится два годика, а я свою шестилетнюю дочь Нурай. Наши одежды, а самое главное обувь были тёплыми и удобными. Из-за того, что на земле лежал снег толщиной примерно в 4-5 см, наша обувь оставляла на снегу глубокие следы, доходящие вплоть до асфальта. Совместно с детьми мы, оборачиваясь, также с интересом глядели эти следы. На бульваре нам встречались прогуливающиеся по два-три человека молодые парни и девушки, а также семейные пары, как и мы вышедшие на прогулку. Когда я выходил из дома, то обещал отвезти детей в кукольный театр, поэтому мы туда держали путь. Я старался отделаться, кое-как отвечая на вопросы, которые своим детским умом беспрерывно задавала моя

дочь, и которые для взрослых могли посчитаться странными. Я ломал голову над очередным вопросом, как напротив увидел молодых мужчину с женщиной, также как и мы идущих рядом с двумя детишками. Когда они приблизились, мои ноги словно приклеились к земле. На голос тянущей меня за собой дочери, мой сын и супруга обернулись, и с интересом посмотрели на нас. Шедшим же напротив меня был друг моего детства – Расим. Под удивлённые взгляды жён и детей мы, обнявшись, встретились. Вблизи на деревянных скамейках невозможно было присесть, и поэтому мы на ногах обменялись расспросами. Так как эта неожиданная встреча была неожиданной для нас обоих, наши вопросы-ответы никак не могли закончиться. Сначала мы познакомили своих жён и детей друг с другом, затем пожалели о том, что не смогли присутствовать на свадьбах друг друга. Мы вспомнили, что, когда была свадьба Расима, я был в Баку, сдавал госэкзамен, а когда женился я, Расим с семьёй проживал в Белоруссии. Расим поговорил о том, как после свадьбы вместе с супругой уехал в Минск, где служил и прожил там долгие годы, как около года переехал с семьёй в Баку и с тех арендует жильё в Бадамдаре, как он там управляет, взятым в аренду небольшим маркетом. А я сообщил ему о том, как в течение последних пяти лет, с начала строительства в Баку многоэтажных зданий, работаю инжене-

ром в одной из частных компаний.

По внешнему виду, выражению лица самого старого друга и его семьи нетрудно было догадаться, что они ведут простой образ жизни. Но искренность, доброта, и тёплые взаимоотношения между ними сразу же бросались в глаза, и это мне очень понравилось. Всё это говорило о том, что друг живёт счастливой жизнью. Обменявшись домашними адресами и номерами телефонов, мы расстались и договорились, что станем часто друг другу звонить, встречаться семьями хотя бы два-три раза в месяц.

***

Была первая ночь второго месяца **Весны**. В этот день, когда природа украсилась, словно красная дева, покрылась красой, президент компании собрал нас на день рождения в ресторане «Волчья ворота». Я тоже был приглашён на застолье. По мере того, как тосты сменяли друг друга, застолье всё разгоралось. Хоть я не был склонен к возлияниям, но мне пришлось до дна осушить первые два бокала, поднятые за здравие президента. До начала очередного тоста я вышел во двор, чтобы покурить. Я сделал пару затяжек, как увидел, как из одного VİP-номеров ресторана вышла женщина, а вслед за ней мужчина. По походке сразу было видно, что оба пьяны. Мужчина, взяв женщину за руку, проводил её до четырёхфарного «Мерседес»а, стоявшего у входа. Я стоял у края чердака, в относитель-

но тёмном месте. В ярком свете ламп, подобно солнцу освещающему всё вокруг, на женщине я рассмотрел одежды дорогих брендов стоимостью в несколько тысяч манатов и также драгоценности, чья стоимость десятикратно превышала цену одежды. Одежда мужчины также не отставала от неё. Когда они приблизились в мою сторону, я застыл от изумления, наполовину прокуренная сигарета между моими пальцами, упала на землю. Сначала я не поверил своим глазам, а рассмотрев со всем вниманием, то увидел, что взявшим женщину за руку был Расим. Когда он прошёл рядом со мной, я притиснулся в темноте. Возле машины их встретил молодой парень. Тот парень тотчас открыл заднюю дверцу машины, после того как женщина села, сразу сел за руль, и машина растворилась в мгновение ока. А Расим, семеня ногами, ковылял в мою сторону. Я вспомнил, что в течение нескольких месяцев, прошедших со дня нашей последней встречи, я всего три раза разговаривал с ним по телефону. На самом деле каждый раз я звонил ему, и каждые три раза Расим отделывался от меня тем, что сильно занят и обещанием того, что через несколько дней позвонит и встретится со мной.

Я быстро вышел ему навстречу. Расим, только увидев меня, кинувшись мне на шею, начал смеяться:

– Добро пожаловать, братец! Какими судь-

бами?

– Приехал на день рождения. А ты?

– Я? Я в своём удовольствии. Сам видишь, начал жить, как человек.

– Да, вижу настроение отличное. Хорошо, а дома как, Гюльнар, дети как?

– Ээ, как будут? После того как я познакомился с Назой, отвёз Гюльнар вместе с детьми в район, к тёще. Раз в месяц посылаю им деньги, продукты. Настроение у них превосходное. А чего ещё им надобно? Правда, жена вначале немного пошумела, а затем, умолкнув, села на месте, – сказав это, он слащаво засмеялся.

– Хорошо, а кто такая эта Наза? – Я постарался скрыть свой гнев.

Расим оглядевшись вокруг, приблизился ко мне и тихо сказал:

– С Назой я случайно познакомился в городе четыре месяца тому назад. В тот день я потратился на неё, и вот уже четыре месяца, как она моя. Хотя она несколько раз была замужем, но последний её муж пока я, – он громко рассмеялся и снова тихо продолжил:

– Её отец работает на высокой должности, он очень богат. Хоть он и развёлся с женой, но дочь держит как принцессу. Наза сама тоже девушка щедрая, любящая поесть-выпить. Смотри, кольцо, что у меня на пальце стоит две тысячи долларов. Она подарила мне его на день рождения. Так вот, я здорово провожу свой день,

что ещё мне нужно? И ещё, я же не женюсь на какой-то потаскушке. Пока погуляю с ней, а затем брошу. Ну ладно, извини меня, друзья ждут меня, потом созвонимся.

Расим, не ожидая моего ответа, семеня ногами, отдалился от меня. Я проводил его взглядом до тех пор, пока он не закрыл дверь той комнаты, из которой недавно вышел.

***

В последние годы в список недосягаемых желаний включились, успокаивающая лесная прогулка, позволяющая отдалиться от удушающего зноя **Лета**, отдых на морском пляже, застолье возле прохладного родника. Наверное, по этой причине я очень скучал летом. В жаркий летний день, когда даже асфальт тает как воск, ездить на машине по улицам Баку, особенно застревать в пробках, было абсолютно нежелательным для меня занятием. Даже прохладный воздух, что разносил кондиционер в машине и то раздражал меня. Возможно, из-за этого я сразу же вышел из машины, как только притормозил служебную машину «Ниссан»,возле «Интуриста». Лёгкий ветерок на улице, хоть мало, но всё же приносил прохладу. В спешке я посмотрел на ручные часы, и успокоился, от того, что время показывало 8:55. Я сказал водителю: – Заберу гостя и приду, – и направился в сторону входа гостиницы. Вдруг я заметил молодого мужчину, протирающего боковые стёкла чёрно-

го Мерседеса, стоящего в пяти-шести метрах в стороне. Это был он – мой старый друг Расим... Увидев меня, он отвернул лицо в сторону, и стал ещё быстрее протирать стекло полотенцем. Подойдя к нему тихими шагами, я поздоровался. Расим как бы вздрогнув, удивлённым взглядом оглянулся вокруг и, немного безрадостной, но лёгкой улыбкой сказал: – А ты что здесь делаешь? Я также улыбнувшись, протянул ему руку:

– У нас гость, инженер из Турции, я приехал за ним. Ты как, дети как?

Расим нахмурился, руки повисли по бокам, лицо словно покрыли чёрные тучи. Он, немного помолчав, неохотно ответил:

– Несколько месяцев как нет вестей. Знаешь, Зафар, так получилось, что я женился на Назе, создал семью. Наза сейчас занимается бизнесом. Строит бизнес вместе с иранцем, с которым познакомилась несколько месяцев тому назад. Иранец с женой пять дней в Баку, остаётся именно в этой гостинице. Каждый день привожу сюда Назу, она совместно с ним строит планы. Кажется, они будут строить большие объекты, заработают большие деньги. Наза уже два часа наверху, вот-вот должна спуститься.

Я не сказав ни слова, удалившись от Расима, вошёл в гостиницу. Наш гость проживал на 6-м этаже в 18-й комнате. Сообщив дежурному этажа о цели визита, я начал идти по длинному коридору в направлении, которое он мне пока-

зал. Смотря на двери, я остановился у одной из них. Когда я постучавшись, вошёл внутрь, то от увиденной сцены остановился, как вкопанный: совершенно обнажённая женщина на двухместном тахте, вздрогнув от звука шагов, спешно прикрыла голову одеялом. Лежащий рядом с ней, такой же полностью голый бородатый мужик спросил меня с иранским акцентом: – Баба, кто вам нужен? – и поспешно накрыл ноги одеялом. Я быстро сказал: – Извините, извините! –и вмиг вышел из комнаты. Я понял, что ошибся дверью, перепутав число 3 из цифры 13 с числом 8. Но увиденное повергло меня в ещё больший шок. Это была Наза! Да, да!Наза, которую я видел в ресторане «Гурд гапысы», дочь богатого человека, бывшая несколько раз замужем, теперь жена моего друга детства Расима – Наза! Я был настолько шокирован, что расстояние в пять-шесть метров преодолел может быть за пять-шесть минут. Моя голова гудела, ноги отказывались ходить. Наконец, я остановился возле двери 18-й комнаты. Я постучал в дверь, но не успел открыть. Приодетый гость сам открыл дверь. Я, быстро взяв себя в руки извинился за опоздание, и гость ответил мне улыбкой. Когда мы спускались вниз, Расим кружился возле машины. Только сев в машину, я вынул мобильный телефон с кармана, и с трудом найдя номер Расима, стёр его из списка.

***

Долгие годы у меня были свои мыли об **Осени**. Со стороны мне казалось, что она грустная, печальная и немного хмурая. Я думал, что пожелтевшая, словно доживающая последние дни природа-мать сеет вокруг себя печаль, грусть. В душе я верил, что все горестные и печальные мысли рождаются именно осенью. Однако семь лет тому назад в один осенний день эта вера полностью исчезла. Родилась моя дочь Нурай, подарившая мне священное звание отца, а также возложившая на мои плечи ответственность, равную величине гор.

День рождения Нурай, как я и обещал, мы отметили в ресторане. После застолья, веселья мы вышли прогуляться в город. После того как прогулялись по центру города, мы прибыли на приморский бульвар. Воздух после дождя был тихим, чистым. Прогуливаясь, вдыхая свежего воздуха, мы радостно созерцали вокруг. Уже поменявшие цвета листья на деревьях в бульваре радовали глаз: жёлтые, оранжевые, коричневые. А ещё опавшие! Они напоминали прямо пёстрый ковёр. Счастливый вид Нурай и нам дарил радость. Как всегда, Нурай ходила рядом со мной, а Алтай рядом с матерью. Всё было нам по душе. Просмотр спектакля в кукольном театре мы заранее запланировали в качестве последнего пункта нашей сегодняшней прогулки. До начала спектакля оставалось примерно полчаса. Когда я сворачивал в сторону здания театра,

моё внимание привлёк, сидящий на деревянной скамейке в сторонке мужчина в потрёпанном плаще. На миг я остановился, внимательно посмотрел на того человека. На слова Нурай, которая тянула меня за рукав: – Папа, что случилось, почему ты остановился? – моя супруга и Алтай обернувшись, посмотрели на нас. Я, быстро пригнувшись, сказал: – Ну я же устал, моя шалунья, – и поцеловал дочку в лицо. Я приблизился к своей супруге Самае, стоявший в нескольких шагах впереди от нас, попросил её, чтобы она вместе с детьми пошли в театр, купили билеты и там подождали бы меня. Зная мой характер, Самая, не спросив ни слова, довольствовалась лишь кивком головы и, взяв детей за руки, удалилась. Повернувшись назад, я подошёл к той скамейке. Почистив рукой скамейку от выпавших пожелтевших листьев, я сел рядом с мужчиной в потрёпанном плаще. Да, верно угадали – это был снова Расим, друг моего детства Расим. Сев рядом с ним, я молча смотрел на него. А он, на миг окинув меня безвольным погасшим взором, вновь продолжил смотреть на неизвестную точку. Я молчал, не решив, что спросить. Кроме тихого завывания ветра ничего не было слышно. Молчание нарушил сам Расим:

– Наза выбросила меня, как грязную тряпку. Она всё забрала у меня, а на то, что ещё оставалось, заставила растратиться. Теперь я как собака ищу уголок на улице, где бы покан-

товаться, живу на три-пять маната друзей. После смерти своей матери три месяца тому назад Гюльнар, продав дом в районе, переехала в Баку. По слухам сейчас она работает медсестрой в больнице, но я не знаю адреса её дома и работы. Я никак не могу проситить себе то, как я ушёл из-за того, что Гюльнар, отказавшись принять, присланные мною продукты, выбросила их во двор, в последний раз, когда был в районе. У меня не осталось лица, чтобы встретиться с ней, поговорить.

Губы Расима задрожали, его слёзы, как капли дождя потекли по наполовину поседевшим волосам на лице в сторону челюсти. На его лице была сероватая тень, руки в карманах плаща, бледное лицо ничего не выражало, а погасшие глаза всё ещё глядели в неизвестность. Со стороны могли подумать, что этот человек – засохший, превратившийся в чучело призрак. Не выдержав, я отвернул от него взгляд. В это время я услышал его угасший, полный сожаления голос:

– Никто не виноват, я сам выбрал себе эту жизнь... Зафар, помнишь, как мы здесь встретились? Мы оба были с семьями. Как же я был счастлив, жаль, что не познал этому цену. Теперь каждый день с утра до вечера ошиваюсь здесь. Целый день ищу оставшиеся тут следы ног, дыхания Гюльнар, своих детей. Жестокий, злой ветер Баку унёс и их следы, их дыхание, и этого много посчитал для меня. Я успокаиваю

себя тем, что может, когда-нибудь встречусь здесь с Гюльнар, со своими детьми. Вот тогда-то, приползнув к ней на коленях, попрошу у них прощения.

Разговаривая, сначала у него задрожал голос, затем плечи. А потом задрожало и всё тело. Звук его разрывающего сердце плача привлекал внимание прохожих, но никто не осмеливался подойти. Хотя я сильно расстроился, но постарался этого ему не показать. Тягостные минуты следовали друг за другом. Вдруг я вспомнил, что меня ждёт семья. Я поднялся, невольно вздохнув, не произнеся ни слова. На самом деле мне нечего было сказать. Я потянул руку в карман, вышла пятидесятиманатная купюра. Всунув деньги ему в руку, я не попрощавшись удалился оттуда. Приблизившись к зданию театра, я обернулся назад, посмотрел на него. Пожелтевшие листья большого дерева, под которым он сидел, всё падали на него.

Ветер усилился...Наверное, снова пойдёт дождь…

Баку.
6-8 марта 2018 года.

РАЙ ПОД НОГАМИ

(Рассказ)

Долгие годы я работаю учителем в школе, в которой учился. Говоря «учился», то есть в этой школе я обучался последние семь лет, а до этого в родном районе. В тот год, когда окончил среднюю школу, я поступил в Университет. Пять лет я был студентом-рабочим. Когда я окончил университет, у меня было уже более четырёх лет стажа. Я вернулся в нашу школу филологом. Быть учителем наряду со своими учителями и вправду тяжело. Невольно смущаешься перед ними, ведёшь себя внимательно в разговорах и в поведении.

В связи со своей специальностью, на своих уроках я стараюсь уделять больше внимания слову, искусству, творческим разговорам. Я пришёл к такому заключению, что нет плохих учеников, плохих детей, у педагога ещё больше должностной ответственности. У каждого есть свой подход, если найдёшь его, значит, достигнешь желаемого. Из-за того, что я очень люблю своих учеников, я стараюсь изучить каждого из них, узнать характер, семейное положение, по мере возможности проявлять заботу.

...Прошёл день с 8 Марта, отмечаемого во всём мире, как праздник Женщин. Я был на уроке в пятом классе. С этим классом у меня разго-

вор «заладился» с первого же дня их обучения. Дети проявляли большой интерес к предмету, вели активные дискуссии. Среди них нашлись те, которые желали в будущем стать учителями литературы, даже поэтами и писателями. Я спросил у ребят, как они провели праздник, как поздравили своих матерей. Их ответы меня очень обрадовали. Кто-то говорил о том, что поздравил мать подарком, с цветами, а кто-то рассказывал, что обрадовал просто стишком, рисунком и даже обычным поцелуем. Каждый говорил с таким воодушевлением, что невозможно было не поверить в то, что такая любовь к матерям не является Божественной любовью.

От меня не ускользнуло то, как всегда выделяющийся своей находчивостью Мурад, после оглашения темы сидел молча и немного угрюмо. Он не отреагировал и на то, как я подошёл к Мураду, сидящему на одном из последних рядов. Пройдя сзади, я внимательно его рассмотрел. Нет, наверное, дело был серьёзным. Прямо оттуда я дал слово Мураду, и спросил у него, как он поздравил свою мать. Мурад поднялся без настроения, и ничего не ответил. Я захотел разговорить его расспросами:

– Мурад, ты поздравил свою маму на праздник 8 Марта?

– Нет, муаллим, не поздравил.

Весь класс вместе со мной устремился на Мурада. Я прошёл вперёд, и остановился на-

против Мурада. Его лицо было мрачным, словно тучи закрыли солнце. Он старался скрыть от всех свои грустные глаза. Когда увидел, что его пальцы, прислонённые к парте, дрожат, то решил разрядить обстановку:

– Садись, Мурад. Наверное, ты хорошенько поел и выспался.

Весь класс рассмеялся и взгляды устремились на меня и Мурада. От моего взгляда не ускользнуло то, как Мурад, сидя на месте дрожащей рукой провёл по лбу, ослабил ворот рубашки. Вялая реакция на звонок была, наверное, у меня с Мурадом. Дети, взяв сумки, с шумом-гамом вышли из класса. Повернув лицо к Мураду, я попросил его сесть на передней парте, напротив. Я предположил, что у него очень веская причина. Я спросил:

– Мурад, что происходит?

– Ничего.

Я спокойно, заботливым голосом обратился к нему.

– Почему скрываешь от меня? Я же вижу, что ты не в себе.

Мурад, вытерев мокрые глаза тыльной стороной руки, чуть повернув ко мне своё лицо с напускной улыбкой, пробормотал дрожащим голосом:

– Муаллим, я правду говорю, ничего не скрываю.

– Значит, ты мне не доверяешь. Пусть будет,

как ты говоришь. – сказав это, я начал собирать портфель.

Неожиданно Мурад начал громко плакать. Сразу поднявшись, я подошёл к нему и, прижав его к себе, погладил головку. Мурад никак не мог успокоиться.

– У меня нет матери, муаллим, нету. Она ушла с другим мужчиной, бросила нас. Она сбежала с другим, бросив меня и маленькую сестрёнку дома. Даже не попрощалась с нами. Кого мне поздравлять, муаллим?

Я не был в состоянии разобрать слова, которые он захлёбываясь говорил. Еле-еле сделав пару шагов, я бессильно опустился на стул. Хотя плач Мурада затих, но я глядел вокруг, как безумный, не мог успокоиться. Чтобы как-то подышать, дрожащими пальцами я расслабил узел галстука, но понял, что не в силах открыть верхнюю пуговицу рубашки. По мере того, как состояние Мурада напоминало мне те страшные моменты моей жизни, моё сердце разрывалось на части, чуть было не вырывалось наружу…

Шёл второй год нашей скитальческой жизни. Ввиду того, что когда из-за скитаний, переселений мы только приходили в себя были потеряны семь-восемь месяцев учебного года, я потерял один год. В отдалённом от райцентра, куда мы попали, мы приведя в «порядок» часть старого административного здания, начали там проживать, если можно это назвать проживани-

ем. Хотя наша школа была старой, но эта была школа с историей. Наши учителя заботливо относились к каждому ученику, особенно к нам, к беженцам. Я очень любил учиться.

Как сейчас помню. Было полгода, как я шёл в школу. Было 7 марта. В четвёртом классе, в котором я учился, проходил урок «Родного языка». Везде шли приготовления к завтрашнему празднику – Международному Женскому дню. Наш классный руководитель – Ругия муаллима по очереди поднимала учеников, требовала от них говорить задушевные слова о матери. Кто-то стишком, а кто-то, связывая исходящие от души полные любви слова в красивые предложения, старались показать, как они будут поздравлять своих матерей. Когда очередь дошла до меня, я неохотно поднялся. А когда у меня потребовали высказать задушевные слова, связанные с матерью, я не издал ни звука. Учительница, улыбаясь, спросила меня, чтобы узнать моё мнение:
– Хорошо, а как ты поздравишь свою мать?

– Я поздравлю отца, учительница, – промолвил я еле слышным голосом, и опустил голову вниз. Хотя несколько ребят засмеялись, но после гневного взгляда учительницы, сразу стихли. Учительница Ругия, приблизившись ко мне, встала напротив, и спросила полушутливо:

– Кого ты больше любишь: отца или мать?

– Отца – ответил я. Я на себе чувствовал изумлённые взгляды учительницы и даже не-

которых ребят. Я волновался, поэтому с силой тянул за ворот пиджака.

– Ещё спрошу: ты больше любишь отца или мать? – почуяв редкие требовательные нотки в голосе учительницы, я живо ответил:

– Отца, – ответил я.

– Любить отца хорошо. А маму, её не любишь? – Учительница удивлённо спросила.

Печаль меня душила, я пару раз кашлянул, потому что не мог дышать.

– Мою маму убили армяне, когда был ребёнком, совсем не помню, – смог ответеить.

Мгновения следовали друг за другом, и вдруг меня охватил плач. А после того как учительница со словами: «Джан, джан» прижала меня к груди, мне стало ещё хуже. Я сел, прислонил голову к парте и продолжил горько плакать. Печальные минуты следовали один за другим. В классе можно было расслышать даже жужжание мухи. Хорошо, что прозвенел звонок. Я почувствовал как ребята, голоса которых в другое время отдают эхом в стенах, стёклах окон, на этот раз беззвучно, даже затаив дыхание, выходили из класса. Учительница Ругия неоднократно просила у меня прощения, и много позже, когда я начал работу в качестве её коллеги, она извинялась, говоря: «Я больше никогда не испытывала своих учеников подобными вопросами»...

По мере того, как я вспоминал обо всём

этом, я предполагал насколько огромную, тяжкую ношу несёт Мурад на своих худеньких, узких плечиках. Я был лицом к лицу с парадоксальной ситуацией: хоть и в обоих случаях было отсутствие матери, но разница была несоразмеримо огромная.

Голова гудела, мысли перемешались. Моё существо охватило сомнение в том, что рай находится под ногами не всех матерей.

Хотя и я на полном серьёзе старался успокоить Мурада, но понимал, что тщетно. Я подождал, чтобы он выплакался, так как порой слёзы приносят человеку облегчение.

«Самый действенный бальзам – это время» – сказав это, я обнял Мурада за шею. Я верил, что перенесённые им боль, страдания, раны на груди также нуждаются в бальзаме, как и время.

Баку.
9 января 2020 года.

ЖИЗНЕННЫЙ УРОК

*(*Рассказ*)*

Берегите слёзы детей, чтобы они могли их проливать над вашей могилой.
ПИФАГОР
(древнегреческий философ)

Мы остались дома вдвоём вместе с матерью детей. Дочери озаряют чужие дома, а сыновья приникли к своим очагам. Иногда я сержусь из-за этого, столько трудись, и после этого каждый из них переехав, проживает на расстоянии сотен, даже тысяч километров от тебя, а ты остаёшься в разлуке с внуками, разве это по совести? Но затем, вспомнив себя, успокаиваюсь. Хотя после того как мои сёстры, окрылившись перелетели на чужие гнёзда и я был единственным сыном в семье, из-за работы я вынужден был прожить долгие годы вдали от родителей. Я не упускал из виду детей из-за любви, когда они были маленькими и по причине образования, воспитания, когда выросли. Верно говорят: «Никто не покинет этот мир, не увидев воздаяния содеянного». Я уже вынужден понимать, что пережили мои родители.

Относительно ближе живёт дочь. Мы часто ходим друг к другу. У неё сын и дочь. Мой внук Махир уже распрощался с младенчеством, уже как год ходит в школу, и ведёт себя как взрос-

лый. Отличная от него моя внучка Нурай, несмотря на малый возраст, своим красноречием, резвостью и шаловливостью стала всеобщей любимицей. Обезоруживает вмиг любого, кто попадётся ей на пути. Именно из-за их этих черт, я очень люблю обоих. Мы с Махиром были близкими друзьями, ничто не могло нас рассорить. Однако во время последних каникул, в течение недели проклятый шайтан дважды встрял между нами. Онажды, когда из-за боли в ноге и немного лени я не погулял с ребёнком, несмотря на то, что он был настойчив в своей просьбе. А во второй раз, когда он вновь захотел альбом и цветные карандаши, а я, отказав, настоял на своём: «Оттого что прежние ты испортил за день, поэтому новые тебе не полагаются». Хотя, на самом деле я хотел приучить ребёнка к бережливости и ответственности, но моя настойчивость не была им принята. Хотя меня и расстроило то, что два дня назад Махир вернулся домой обиженным, я терпел, но в душе искал повода, чтобы помириться. Если вы хотите узнать, чем закончилась эта обида, и помирились ли мы или нет, тогда рекомендуется до конца прочесть этот рассказ.

...Сегодня я также последовал своему обычаю навещать покойных по четвергам. Несмотря на то, что было холодно, но по числу машин, остановившихся около кладбища, было понятно, что людей много. Я тоже остановил

машину на обочине. Я спустился было с машины, как увидел напротив себя толстого мужчину с покрасневшими, словно яблоко щеками, в плаще аба, с тюбетейкой на голове. По его радостному взгляду, устремлённому на мои глаза, я понял, что он предлагает услугу. Я его не обидел. Поняв мой знак, он стал ходить за мной следом. Пройдя через высокие, разукрашенные, огороженные забором мраморные могилы, я остановился напротив родителей, взирающих на меня с плоского, широкого мраморного надгробия. Мулла, следовавший за мной, не дожидаясь даже моего слова, прошёл в головную часть могилы, прочёл фатиха, тонким, но мелодичным голосом, не вязавшимся с его дородным обликом, начал нараспев читать «Йасин». Пару минут я печальным взором глядел на покойных. Мысль о тщетности, суетности этого мира вновь пронзив, прошла сквозь моё сердце. Сокрушённо вздохнув, я огляделся вокруг. Тогда я заметил, что немного поодаль на усеянной цветами могиле (по аккуратности было видно, что могила новая) молодой мулла читал суру «Йасин», в шаге от надгробия стоял ребёнок лет семи-восьми, а у изголовья – женщина и мужчина средних лет. Взгляды одетого аккуратно, в соответствии со своим возрастом ребёнка с чёрными, зачёсанными набок волосами, были устремлены на фото мужчины с панамой в надгробии. Женщина иногда вытирала слёзы,

а мужчина то оглядывался вокруг, то уставлялся на могилу или на моллу. Мулла прочёл «Йасин» громким голосом относительно быстро. Наверное, по этой причине, а также из-за того, что они пришли раньше нас, он закончил свою работу раньше. Как только «Фатиха» закончилась, мужчина подошёл к мулле, и всунул ему в руку деньги, которые держал в руке. Мулла, совершив салават, скорыми шагами направился в сторону входа кладбища. Мужчина, не оборачиваясь, сказал следовавшим за ним: «Пойдём» – и зашагал между могилами.

– Царствие тебе небесное, отец.

Женщина печально пробормотала, вытерла платком слёзы и, обратившись к будто замершему у могилы ребёнку, сказала: «Пойдём, сынок, отец зовёт». Женщина, увидев удаляющегося мужчину, вышла на дорогу.

Из-за того, что мулла произносил некоторые слова громко и нараспев, я невольно обернувшись, внимательно посмотрел на него и на фото родителей, высеченных на камне. Размышляя о том, как они прожили трудную жизнь, вырастили нас с трудом, лишениями, я вздрогнул от внезапного плача: ребёнок, обнявший надгробие на соседней могиле, стонал:

– Дедушка, зачем ты уехал, бросив меня? Не могу без тебя. Я очень скучаю по тебе.

Ребёнок, протирая ладонью фото на надгробии, то и дело его целовал. Его горький плач

основательно меня расстроил. Его мать, а затем пришедший на «помощь» звука отец с трудом смогли оторвать ребёнка от могилы и увести за собой. А идущий ребёнок всё плакал: «Я хочу своего дедушку»…

Когда я обернулся вздрогнув от слов: «Аллаху Акбар!», «Аллаху Акбар!», увидел напротив себя муллу. Он сказал, улыбаясь: «Царствие небесное!», и смотрел на меня невинным взглядом. Я быстро вынул из кармана деньги, и дал ему. То ли денег было много, то ли отчего-то на этот раз мулла вновь громко произнёс: «Царствие небесное!» и, обернувшись, удалился от меня.

Я никак не мог прийти в себя от шока недавно увиденной сцены. В этот момент у меня на душе было одно желание: прижать Махира к груди и вдоволь его расцеловать.

Ленкорань.
9 февраля 2020 года.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

(Рассказ)

Посвящается одиноким людям.

– Явилась? – Агасан со вздохом с трудом поднялся с места, не поднимая бок с деревянной скамейки, немного отодвинулся к краю. Лампа, прикреплённая к столбу возле скамейки, подобно солнцу освещала вокруг.

– Иди, иди садись, немного поболтаем. – Агасан пригладил рукой седые волосы, почесал пальцами небритое горло. Он потянул за ворот кожаной куртки, выложенной изнутри мехом. Когда он повернулся направо, улыбка озарила его лицо.

– Садись поближе. Что, боишься? – сказал он, улыбнувшись. – Как ты, как проходят твои дни, Гамар?

– Хорошо, если можно так сказать. Мои дни проходят так быстро, как мгновение ока. Я безработный человек, но не чувствую, как проходит время. Мой Ага, а ты как? Ты как-то неважно выглядишь? Случайно не болен?

Агасан прикрыв, лишённые блеска, края все в морщинах глаза, пару раз покачал головой. Грустно вздохнув, он произнёс дрожащим голосом:

– Мне нехорошо. Кажется, Азраил в пути, идёт... У меня пропал аппетит, мучает бессони-

ца, не могу спать. Всё тело ослабло. Руки-ноги больше меня не слушаются. Они тоже как ты, стали неверны. Бросают меня, оставив на полпути.

– Мой Ага, как ты можешь произносить это слово? Совести нет разве? Разве я была неверна тебе? Как же ты быстро забыл прошлое? Хотя бы в этом возрасте не превращай справедливость в жертву своей гордости.

Гамар замолчала. Чтобы уменьшить эффект сказанных слов, прижалась к Агасану. По голосу было видно, что она растрогана:

– Помнишь те дни? С первого дня нашей помолвки я никак не уставала называть тебя «Мой Ага». Хотя наши семьи были бедными, но мы были молоды и сильны, и от работы не уставали. С каким трудом мы выбились в люди. Когда ты пошёл в армию, ты был уже отцом двоих детей. Тех двоих детей я вырастила одна-однёшенька. От болей в теле я стонала по ночам. Ты приехал, поддержал меня. Хоть и с трудом, всё же вырастили мы детей. Мы не делили наши труды на мужские или женские. Всё это продлилось до тех пор, пока в твои руки не приплыли деньжата, а сам ты не обзавёлся машиной.

Агасан недовольно покачал головой. Гамар продолжала:

– Помнишь как ты мне с удовольствием показывал фотографии с женщинами в санаториях, в домах отдыха и полученные от них письма.

Я терпела несмотря на то, что гнев душил меня. Успокаивала себя мыслью, что это временное увлечение.

– Ну хватит, Гамар. – Чувствовалось, что Агасан сердится. – Всё это в прошлом, какой смысл вспоминать?

Ироничный смех Гамар и лёгкое покачивание её головы переменило настроение Агасана. Его сердце словно отпустили, зажав в тисках. Почувствовавшая это Гамар ещё ближе притиснулась к нему:

– Мой Ага, ты прав, всё это в прошлом. Смотри, сколько лет я прихожу на встречу с тобой. До сих пор я не сказала ни слова, что обидело бы тебя. То, что ты упрекнул меня в неверности, припомнило мне прошлое...

Глаза Гамар устремились вдаль, она иронично засмеялась:

– А помнишь как проводил дни с распутными женщинами? Ведь у вас же мужчин есть такое: таять от слов таких женщин. Я молчала, терпела. Но когда однажды ты привёл их домой, я ответила тебе. Ты так ударил меня по голове около той уличной девки, что я без сознания рухнула наземь. У тебя не проснулась совесть даже тогда, когда ты, отвезя ту женщину в город, вернулся и застал то, как три малыша гладили моё окровавленное лицо, мои волосы. Совсем не проснулась, мой Ага, совсем.

Гамар основательно расстроилась:

– Что я пережила ведал один Аллах и ты. Я молчала на всё, что видела, слышала, я отвернулась от своего права и в конце была вынуждена смириться с такой жизнью, но во мне теплилась надежда. И действительно человек живёт надеждой. Я знала, что тому, кто потерял надежду больше нечего терять.

Гамар горько плакала. Глаза Агасана тоже увлажнились, губы задрожали. Лицо его было полно грусти, печали. Кажется, он сожалел о недавно сказанных словах. Грустный голос Гамар терзал всё его существо:

– В те дни я много размышляла. Куда пойти, к кому пойти? Родителей нет, сестры нет, а братья мои бедны. Приняв это за свою судьбу, я осталась дома, собрала вокруг себя своих детей и продолжила жить. Затем под личиной «друзей» ты приводил домой многих женщин. В качестве дара ты отвозил «друзьям» фрукты-овощи, что я выращивала в поте лица, соленья, кур-цыплят, сливки, шор, яйца, которые ты меня заставлял собирать . Уже выросшие дети много раз говорили мне, чтобы я не поступала так, но я поступала. Оттого, что я очень любила тебя, то думала, что если этим тебе будет хорошо, то пусть будет так. Мне достаточно и того, что в доме слышится твой голос, ощущается твоё дыхание. Не знаю, была ли я права или нет, но я так думала.

Вдруг голос Гамар изменился. Она с улыб-

кой продолжила:

– И вправду, Аллах дал нам женщинам столько терпения, выдержки. Мы жертвуем всем ради любви, семьи. Нынешние девочки даже дня не смогут так прожить. Кто знает, может и правильно поступят…

Послышался полный грусти голос Агасана:

– Моя Гамар, ведь я же не всегда был таким?

– Моя Гамар!... От этого слова задрожало всё моё существо. Только ради твоего этого слова я готова была пожертвовать жизнью. Но как и везде ты и здесь опоздал, мой Ага. Да, ты прав, ты не всегда был таким. Но когда ты вернулся ко мне, к семье было уже поздно. Мой Ага, ты не понял, что физические мучения человека преходящи, можно стерпеть даже увечье. Однако растоптанная душа, душевное увечье бывает невыносимым. Раны на душе никогда не залечиваются, и человек умирает именно из-за этих ран. То есть, умирает духовно, умирает, оставаясь живым, и его существование заключается лишь в дыхании, в том, что он стоит на ногах. Когда ты вернулся ко мне, я уже была в таком состоянии, да и ты тоже лишился сил.

Агасан произнёс слабым, печальным голосом:

– Я очень сожалею, моя Гамар, очень. Нет числа несправедливостей, что я сотворил по отношению к тебе. Особенно, когда в аварии, которую я совершил на той проклятой маши-

не, ты покинула меня, я погиб вместе с тобой, и до сих пор живу, как живой труп. Я не могу себе этого простить, наверное, Аллах тоже не простит. Я не оценил Гамар, и сейчас несу свою кару. Каждый день сотни раз умираю и пробуждаюсь. Моя жизнь без тебя проходит в боли. Остался один-одинёшенек. Дети хоть и приезжают пару раз в неделю, стирают одежду, приводят меня в надлежащий вид, готовят еду, но ничто мне не по душе. Я скучаю по твоему голосу, дыханию. Только тебя хочу видеть рядом с собой. – На миг он умолк, затем горестно продолжил: – Каждый день я молю Аллаха о прощении своих грехов. У меня больше нет охоты жить, я устал, моя Гамар.

Агасан умолк вместе с наступившим кашлем. После пары раз кашель с мокротой, сосуды на висках вышли наружу, лицо покраснело, как свекла. Затем, обессилено нагнув голову в сторону, он с жалостливым видом, словно лишившись всего, не смыкая глаз посмотрел на Гамар. Послышался грустный голос Гамар:

– Мой Ага, наш Аллах не настолько несправедлив, чтобы одарил тебя моим правом. Но я простила тебя – когда в последние годы своей жизни встретила от тебя любовь, доброту, которая была у тебя раньше. Я и сейчас живу приятными воспоминаниями тех радостных дней. Ведь ты и также был старшим в доме, который мы построили с таким трудом, отцом моих де-

тей и моим Агой.

Гамар грустно выпрямилась:

– Мой Ага, прости меня, я должна уйти. Уже глубокая ночь, а путь у меня дальний.

Лицо Агасана покрылось разочарованием:

– Моя Гамар, на этот раз я совсем не хочу, чтобы ты уходила. Может, останешься рядом со мной? Может, и мне пойти с тобой?

– Нет, мой Ага. Я никогда более не смогу быть рядом с тобой. Ты тоже не можешь пойти со мной. Теперь наши жизненные пути раздельны. Я проживаю совсем другую жизнь. А быть рядом с тобой зависит от воли Аллаха.

– А когда я снова увижу тебя?

– На сей счёт не беспокойся. На следующую неделю в этот день я снова приду на встречу с тобой. Вот здесь, мы побеседуем, сидя рядышком на моей любимой скамейке, которая была свидетельницей всей моей жизни, полной зигзагов. Береги себя, мой Ага.

Агасан грустно протянул дрожащие руки к Гамар, его руки повисли в воздухе. С трудом выпрямившись, он подвинул руки ко лбу, его тоскливые глаза уставились на небо.

Чёрные тучи словно соревновались между собой в том, чтобы укрыть маской луну, которая своей непередаваемой красотой освещала всё вокруг. От этого влажно-холодного осеннего ветра тело Агасан задрожало. Он весь задрожал. Опершись на свою палку, он еле сумел удержать

равновесие. Совладав собой, он прислушался вокруг. Кроме воя собаки у соседнего забора, вокруг не было ни звука. Агасан обессилено повернулся назад. По мере того, как он думал о том, что его ожидает мучительная ночь в двухэтажном красивом доме напротив, его плечи начали дрожать как листья.

Ленкорань.
15 апреля 2020 года.

ЗАВЕЩАНИЕ ГИППОКРАТА

(Рассказ)

Я сильно побеспокоился, когда узнал о болезни свояка. Не потому, что он был родственником, а из-за того, что я очень любил его как близкого семье человека. Надир муаллим в прямом смысле этого слова был редким человеком. Своим умом и смекалкой, без чьей-либо помощи он в таком месте, как Баку, возвысился от рядового учителя до директора школы, а оттуда до секретаря райкома. Прославился как грамотный специалист, умелый организатор, прекрасный руководитель, а самое главное, как чистый, порядочный и искренний человек. После развала Советской власти, он по собственному заявлению уволился с поста председателя исполнительного комитета, несмотря на то, что ему не было шестидесяти лет. Хотя он и связывал причину со здоровьем, но правду никто не знал. Потому не знал, что об этом он никому не сказал ни слова, и даже в его семье никто не знал истинную причину. Но в одной из его бесед я понял, что внутренне он не принял того, что идеи, за которые он вёл борьбу, в мгновение ока сгорели дотла, будто воспламенившийся хлопок. Если кто-то взглянул бы на его дом, житьё, то никто бы не поверил, что этот человек долгие годы работал на должностях, даже если бы горло залили

бы расплавленным свинцом. Каким он сам был, так и воспитал обоих сыновей. На самом деле его можно было понять: он получил коммунистическое воспитание, вырос в обществе, где деньги считались грязью, вёл борьбу за великие идеи коммунизма. Но то, что дети не свыкались с эпохой, сильно его беспокоило. Хотя два его сына своими знаниями, не заплатив ни копейки, поступили на самый престижный факультет всех времён «юрфак», окончив его с высокими баллами, тем не менее, один из них работал адвокатом, а другой юристом в одном из учреждений. Его дети, тоже как и отец всё время твердили о честности, о справедливости…

На дверях невысокого двухэтажного дома на Баилове нас встретила Зульфия ханум, и с огромной радостью поцеловалась вначале с моей супругой Парваной, а затем протянув и мне руку, пригласила домой. Когда я хотел пройти от лестницы в коридор, то, увидев, вышедшего из гостиной семидесятилетнего Надир муаллима, зашагал к нему крупными шагами. Я сразу почувствовал, как он похудел со времени нашей последней встречи месяц тому назад. Чтобы не выдать этого, обняв его, улыбаясь, поцеловал в лицо. Отблагодарив меня, Надир муаллим сказал Парване добро пожаловать, и пригласил нас в гостиную. В течение пары минут он поинтересовался нашим состоянием, проживанием, спросил о здоровье. А я в свою очередь сообщил о том, что прошлой ночью услышал о его болез-

ни, что после улаживания пары важных дел в течение дня нашёл возможность навестить его вечерком, и обрадовался тому, что, слава Богу, его здоровье не такое, каким я прослышал. Надир муаллим, улыбаясь, ответил:

– На самом деле это правда. В последние дни меня тревожат нестерпимые боли в теле. Я немного полечился, пройдя пару месяцев назад через некоторые обследования. Но эти боли говорят о чём-то другом.

– Надир муаллим, не тревожьтесь. И абсолютно не принимайте болезнь близко к сердцу. Слава Аллаху, всю жизнь вы держались на диете. Что же у вас может быть? В крайнем случае, невралгия или незначительные проблемы, связанные с возрастом, и они тоже пройдут.

В это время Зульфия ханум сказала:

– Мы так увлеклись разговором, что и про чай забыли. Сию же минуту приготовлю и принесу вам чай, – сказав это, она встала. И Парвана, присоединившись к ней, вышли из комнаты.

Я продолжил говорить:

– Надир муаллим, хотя сейчас в клиниках дорогие аппараты, но мало специалистов, кто в них разбирается. В прошлом врачи лечили пациентов быстрее, и притом с голыми руками. А сейчас... У меня есть знакомый, пожилой русский врач. Мы близки, хоть и не друзья. В своё время он был одним из известных врачей. Теперь принимает больных дома, и лечение проводит старыми дедовскими методами. Давай-ка

пойдём к нему, посмотрим, что он скажет?

Надир муаллим произнёс с улыбкой:

– Мы находим всему время, кроме себя самого, а потом жалуемся, что болеем. На самом деле такое отношение в основном у нас, у мусульман. Что говорю, можно пойти, если он хороший врач.

...Мы поздоровались с Борисом, как старые друзья. Разница между тем, каким я его видел много лет назад и теперешним днём, была лишь в том, что волосы поседели, тело немного обмякло и он чуть располнел. Но прежняя гибкость и сладкоречие были на месте.

– Добро пожаловать, друг мой. Как ты? Каким ветром тебя сюда занесло? Как ты нашёл мой дом? Хвала тебе, если проделал путь в одно дерево, чтобы меня найти. Кстати, расстояние одного дерева равно семи километрам, – сказав это доктор Борис, процеживая нас обоих со стороны, засмеялся.

– Борис, ты прав. Я слышал, что ты вышел на пенсию, но не знал, где живёшь. Я узнал твой адрес на старом рабочем месте. Тогда я узнал, что ты живёшь в Зыхе. Здесь ты довольно уважаемый человек. Спасибо жителям посёлка, уважают гостей. Показали нам дорогу, мы легко нашли. Ты как? Дома никто не бросается в глаза. Не один живёшь, случайно?

Доктор Борис, окинув меня озабоченным взглядом, поник головой. На его лице скользнула улыбка. Скривив губы, он покачал головой,

словно обдумывал, что сказать. После некоторого молчания он произнёс:

– Да, мой друг, дома никого нет, я один. Мария меня быстро покинула. Скончалась где-то около пяти лет, и я остался без неё. С тех пор я как живой труп. Тело живёт, но моя душа давно на том свете. Моя дочь, выйдя замуж, осталась в Питере, где получала образование. А мой единственный сын, взяв с собой семью, переехал в Ставрополь – на родину предков. Он и меня хотел взять с собой, я не уехал. Я родился в Баку, прожил тут всю жизнь. Эти места для меня очень родные, дороги и ценны, как дыхание. Я не смог уехать, бросив эти места. А нынешняя молодёжь ни на что не смотрит, они живут там, где им хорошо. Как будто для них совсем чужды понятия, как Родина, родная земля, родной человек. Нынешняя молодёжь очень отдалилась от таких трепетных и священных чувств, очень… Ну что ж… Хорошо, а ты с чем пришёл?

Я рассказал ему ситуацию. Доктор Борис внимательно изучил документы лечения, затем поинтересовался болями, возникающими с короткими перерывами в области живота и лопаток, получил ответы на заданные множество вопросов, руками прощупал члены его тела. Я следил за выражением его лица, по мере того как он обследовал пациента. Вена, идущая кверху между сдвинутыми бровями доктора Бориса, придавал странный облик его лбу, и в те моменты, когда он становился серьёзным, отно-

сительное расширение этой вены ещё быстрее бросалось в глаза. По чертам его лица чувствовалось, что внутренне он переживает. И у нас тоже была странная тревога. Наконец, закончив обследование, сняв резиновые перчатки с рук, он выбросил их в пепельницу на круглом столе, напротив коего мы сидели, и, слегка вздохнув, начал:

– Я не говорю это, чтобы вас напугать, но если нет страха, то человек не станет воспринимать серьёзность положения. Из увиденного и услышанного я пришёл к такому выводу, что положение нехорошее. Я вижу признаки серьёзной болезни. А для уточнения необходимо, чтобы вы прошли через ряд обследований в онкологии. Всё в руках Аллаха, может это пройдёт с лечением. Учитывайте серьёзность положения.

Доктор Борис замолчал. И мы тоже не осмеливались говорить. Наверное, Надир муаллим, да и я сам молчали, боясь получить нежелательный ответ на наши вопросы, и никто из нас до расставания больше не вернулся к теме болезни. После этого разговора мы никак не радовались, не зависящая от нас грусть, печаль, наполнив наши сердца, всё увеличивалась там. Доктор Борис, потративший на нас больше часа времени, наотрез отказался брать у нас денег. Заявив, что деньги, взятые с пациента, кого он не сможет вылечить, являются харамом, он категорически отказался, и не забыл завизжать, сказав: «Я не могу нарушить завещание Гиппо-

крата». Мы, обменявшись номерами мобильных телефонов, расстались с пожеланием добрых дней. На улице совсем стемнело.

В течение трёх дней состояние Надир муаллима ухудшилось. Боли его доконали. Я посвящал ему два-три часа каждый день. Моей целью было отвлечь его от нестерпимых болей, хотя бы немного отвлечь его разговором. И каждый раз Надир муаллим пару минут выражал недовольство доктором Борисом, главную причину ухудшения своего состояния видел в сообщённой им плохой новости. Честно говоря, я не говорил ни слова о своём мнении на этот счёт, чтобы его не огорчать. В последний день его состояние немного улучшилось, и мы решили, что завтра поедем в Онкологический Центр, к доктору Ильясу, старому знакомому Надир муаллима. Мы так и сделали.

В больнице мы столкнулись с людским потоком. Стар и млад, женщины и мужчины, множество людей ожидали своей очереди в вестибюле и у дверей этажей. Доктор Ильяс не заставил нас долго ждать. Он ответил на первый звонок Надир муаллима, и спустя пару минут сам подошёл к двери. Он так поздоровался с Надир муаллимом, словно увидел брата, вернувшегося из ссылки в Сибири. Доктор Ильяс был мужчиной примерно пятидесяти пяти лет, на 20-30 кг худее своего роста, лысый, с упитанным лицом. Сразу чувствовалось, что у него приподнятое настроение. На расстоянии 15 – 20 метров, пока

мы шли в его кабинет, он и рассмешил нас своими забавными словами. Каждый раз смеясь и останавливаясь, Надир муаллим странным и больше упрекающим взглядом смотрел мне в лицо. У доктора Ильяса мы пробыли около 30-40 минут. Он посмотрел на ответы анализов, вновь повторил общий анализ крови, который посчитал нужным. Причём, он проверил в аппарате, и взял материал для посадки, как сам сказал. Он поручил нам прийти к нему через час с анализом крови. Мы прогулялись во дворе больницы, побеседовали, присев в тени. Надир муаллим всё хвалил доктора Ильяса. Он с упоением говорил о том, какой же добрый и заботливый тот человек. А я каждый раз подтверждал сказанное им. Через час, взяв ответ анализа, мы снова поднялись к доктору Ильясу. Посмотрев на ответ, он так рассмеялся от души, что и наше настроение сильно поднялось. И также он начал:

– Надир муаллим, скажи честно, анализ ты сам дал или поручил это какому-нибудь молодому парню? Машаллах, всё отлично. У тебя нет никаких проблем. Иди, кайфуй.

Надир муаллим, встав с места, обнял врача за шею и расцеловал в лицо. Бедняга был растроган. Я тоже опешил от этой сцены. Я очень радовался. На вопросы Надир муаллима: «Доктор, а ты не пропишешь мне лекарства? Чем мне держать диету?» – доктор Ильяс со смехом ответил:

– Никакие лекарства не нужны. Через не-

делю, десять дней пошлёшь кого-нибудь, чтобы забрал результаты анализа. Всё в порядке. Что касается диеты, то можешь есть всё, что пожелаешь, но в пределах. Понял меня?

– Хорошо, брат. Да поможет тебе Аллах. Пусть твои дела пойдут, как по маслу.

Мы приближались к моменту «награды» доктора Ильяса, как он сам заговорил:

– Честное слово, когда покойный Гиппократ, поклявшись, завещал, он и не подумал бы, что мы живём в таком состоянии. Приходим утром, вечером уходим. Деньги, что нам платит за это государство, не хватит даже на семечки. Поинтересовавшись, я нашёл в паре стран хорошие, доходные работы. Пройдёт оставшийся месяц осени, и я уеду из страны.

Ильяс снова захохотал, но этот смех по своей продолжительности отличался от прежних.

Улучив момент, мы с Надир муаллимом посмотрели друг на друга. Надир муаллим, радостно вынув из кармана деньги, сложив, засунул их в карман врача. Среди купюр я увидел пятьдесят и двадцать манат, но не смог разобрать всю сумму.

По дороге смеялись, разговаривали. Настроение Надир муаллима было прекрасное. Он не раз повторял, что у него нет никаких болей в теле. И не осталось похвалы, которую бы он не адресовал доктору Ильясу.

... Через три дня Надир муаллим скончался. В первую ночь поминок, когда доктор Борис

случайно позвонил, чтобы узнать о состоянии пациента, узнал о случившемся. Он, сказав, что сожалеет, сообщил, что на 95 процентов был уверен в таком исходе.

На следующий день в разгар меджлиса появился доктор Ильяс. Я присел рядом с ним. Доктор Ильяс, выразив соболезнование, пожелал царствия небесного покойному. А затем, чуть пригнувшись ко мне, прошептал мне в ухо:

– Когда покойный был у меня, я знал, что он доживает последние дни. На самом деле на всех анализах были признаки этого. Но что поделаешь, Гиппократ завещал нам, чтобы мы, успокоив пациента, провожали бы его довольным.

В это же время на краю поминальной палатки показался доктор Борис. Движением руки я пригласил его на свободный стул справа от себя. Поздоровавшись с меджлисом, он сел на указанное мною место.

В те минуты, когда я был в меджлисе, я беседовал с врачами, исподтишка за ними наблюдая, искал ответ на вопрос, застрявший у меня на сердце: «Кто прав?»

Ленкорань
17 июля 2018 года.

БУМЕРАНГ

(Рассказ)

Гаджи-Мамиш считался одним из уважаемых людей нашего города. Нет, это уважение, почитание не было связано с его образованием, культурой, просто у него было много денег, богатства. Вдобавок, заработанный им после паломничества титул «гаджи» ещё больше возвысил его авторитет. Странно было то, что и видные интеллигенты города относились к нему с большим уважением, не стеснялись говорить о нём добрые слова. И взамен Мамиш бывал к ним очень щедр.

Мамиш считал себя умным человеком. При случае, подходя со своей логикой к понятию умного человека, он говорил:

– Хоть я и бекский внук, если я не растратил оставшееся мне от моего отца Забиша, а напротив, приумножил, значит я умён. Если так легко заработать богатство, тогда пусть оно будет у всех. Нету, ибо для этого нужен ум. Но просто умом много не заработаешь. Если ты умён, но при этом голодаешь, тогда кому нужен такой ум? Для этого необходимо постоянно трудиться, и думать лишь об одной вещи.

Что эта за вещь Мамиш так никому не сказал, кроме своего сына Рамиша. Начиная уже с последних лет средней школы, у Мамиша время

от времени происходил разговор с единственным сыном на эту тему:

– Сынок, наши предки говорили, что деньги – это грязь руки. Думаешь, что все наши предки были умными людьми? И среди них было немало глупцов. Вот эти слова сказал именно один из тех глупцов. В жизни всё упирается в деньги. Во все времена было так: если у тебя есть деньги, значит, ты настоящий мужчина. Если у тебя есть деньги, значит, силён, живёшь долго и здорово, бываешь уважаем. Нет той двери, какую бы не открывали деньги. Нет головы, не склоняющейся перед деньгами. Богатого мужчину и Аллах очень любит, запомни это. Единственным твоим стремлением в жизни должно быть зарабатывание денег. Деньги самый надёжный друг человека, чудо, возвышающее его до небес, дающая славу.

И каждый раз Мамиш так заканчивал свой разговор:

– Но тут есть два важных условия. Первое условие: ты должен знать цену деньгам. Хранить деньги труднее, чем их заработать. Никому не должен уступать свои деньги. А второе условие то, что должен уметь пользоваться деньгами к месту и целенаправленно. Не должен тратить деньги ради их заработка.

С таким благословением Мамиша и вырос Рамиш. Кое-как закончил среднюю школу. Но после уроков не забывал зарабатывать, торгуя на

базаре. После окончания средней школы по настоянию жены Лейлы, Мамиш определили сына Рамиша в Медицинский Институт. Рамиш, можно сказать, всю студенческую пору занимался торговлей. Поэтому для него было нетрудно получить оценку на экзаменах. А во время каникул он заработал достаточно денег, продавая иранские товары в различных городах России, купил себе новую машину. Мамиш, говоря «Молодец» такому умению сына, гордился им. А при случае говорил, что сейчас могу спокойно умереть, мой сын не только не растратит заработанное, а наоборот, приумножит.

Окончив институт, Рамиш получил назначение врачом в приёмное отделение центральной больницы города, где он сам родился. Не прошло и года, как его назначили директором этого отделения. Работники отделения уже знали его характер. Пациента приводили к доктору Рамишу после того, как с тем обговаривали сумму. За короткий срок доктор Рамиш полностью установил в отделении любовь, уважение к деньгам. И по этой причине работники были очень довольны доктором Рамишем.

Был конец июля. Знойная летняя жара с раннего утра отнимала всю энергию человека. В такое время доктор Рамиш часто сидя в своём кабинете под вентилятором, «перелистывал» телевизионные каналы. Медбрат Казым тоже мастерски выполнял свою работу. Он был уверен в

том, что, как и на каждой смене, и сегодня, благодаря доктору Рамишу, не уйдёт домой с пустыми руками. Вокруг уже сгустилось покрывало сумерек. Рабочий день заканчивался, но то, что они сегодня не смогли, как следует заработать с пациентов дневную выручку, портило обоим настроение. Казым полностью удостоверился в этом, когда относил бархатистый чай своей «золотой жиле». Поэтому, не разговорившись с доктором Рамишем, он вернулся в свою комнату.

Прошло пять-шесть минут, как машина скорой машины доставила в отделение мужчину средних лет, получившего тяжёлые травмы в автомобильной аварии. Лицо пациента было сильно сдавлено, и поэтому было в неузнаваемом состоянии. Казым, приняв пациента, начал оказывать первую медицинскую помощь. Он не смог узнать ни слова о том, кем является этот пациент, так как врач скорой помощи сразу же вернулся обратно. А сам пациент не был в состоянии говорить, хотя иногда он что-то молвил, взяв его за руку, Казым ничего не понимал. Казым уже начал сердиться, так как совсем не разбирал ответов на свои вопросы. В первый раз он, тихо пройдя в комнату доктора Рамиша, сказал, что невозможно определить личность пациента, и по этой причине не может сообщить его родственникам. Доктор Рамиш, потерев кончики большого и указательного пальца друг об друга, указал ему выйти. Когда Казым во второй раз

бросился в комнату врача, после того, как увидел, что состояние пациента меняется, сообщил, что он умрёт, но увидев, что это ничуть не затронуло доктора Рамиша, то с сожалением вышел из комнаты. А в третий раз он сообщил о смерти пациента. В это время доктор Рамиш спокойно, будто ничего не произошло, придвинув к себе телефонный аппарат, набрал цифры 102.

Когда доктор Рамиш выпивал очередной глоток прохладного фруктового сока, в комнату вошли офицер в полицейской форме и двое полицейских, поздоровались с ним. Офицер знаком велел полицейским заниматься своими делами. Доктор Рамиш и для него налил стакан фруктового сока. Офицер знал, что покойного повезут в морг. Доктор Рамиш, вытянув руки вперёд, раскрыв ладони, смеясь, сказал:

– Повелевать вам, начальник. Я подарил труп вам.

Оба рассмеялись. В это время вошедший в комнату Казым сообщил с порога: «Доктор, труп везут в морг». Доктор Рамиш в душе обрадовался, так как на этот раз, вопреки обычному случаю, когда препровождение трупа в морг сопровождается большим недовольством и шумом среди родственников покойного, на этот раз было спокойно. И доктор Рамиш вместе с полицейским офицером вышли из комнаты. Труп был уложен на носилки, и покрыт окровавленной простынёй. Когда полицейские

открыли входные двери отделения настежь, чтобы вынести носилки, ветер приподнял простыню на трупе. На миг доктор Рамиш застыл на месте. Сначала он попятился шаг назад, вылезшими из орбит глазами рассматривая труп на носилках, и сразу же всем своим существом заорав: «Отееец!» – набросился на труп. Его полный горя голос в темноте ночи даже вдалеке отдавался эхом.

Ленкорань
17 июля 2018 года.

КОМА[3]

(Новелла)

Из-за первой рабочей недели нового президента никто раньше него не осмеливался уходить с офиса компании. Каждый из нас считал для себя долгом соблюдать данную традицию. Надо сказать, что президент тоже не заставлял нас долго ждать. По прошествии 10-15 минут после окончания рабочего времени он, искоса глядя на комнаты, уходил, проходя через коридор. Как только звук «Мерседес-Бенца» затихал, от шума в офисе, от топота каблуков, цокающих о керамические плиты, выложенные на коридоре и лестницах, зажимало уши. Это занимало где-то несколько минут, и немного погодя офис походил на мельницу со сломанным колесом.

Сегодня, как и за последнюю неделю, когда я выходил с работы, только стемнело. Уже выезжая из города, я вспомнил, что нужно сделать покупки для дома. Я остановил машину напротив крупного нарядного маркета на обочине дороги. Купив «Московских» конфет и карамели, недавно завезённых в маркет и немного других продуктов, я уже приближался было к самооткрывающейся входной двери, как мне послышался знакомый голос. Обернувшись, я

3 В данном случае в переводе с азербайджанского языка означает «хижина» (прим. переводчика).

увидел кузена Давуда. На самом деле отец Давуда и мой отец были двоюродными братьями, но мы обращались друг к другу словом «кузен». Давуд, положив портфель на землю, крепко обнял меня, и с обычным крсноречием произнёс:

– Как дела, ай Наги? Домашние как? Сколько времени не видемся. Клянусь, очень плохие мы люди, раз годами не навещаем друг друга, кто-нибудь из нас умрёт, а мы об этом и не узнаем. Души покойных нас не простят. Ладно, всё это в прошлом. Скажи, чем занимаешься, работаешь или нет?

– Работаю. Три года я начальник отдела в одной из крупных частных компаний города. И дела идут неплохо.

– Отлично! Великолепно! А я вот уже как год уже не директор школы, и теперь рядовой учитель. Я сам вышел из должности директора. Видел, что нервничаю, нервы портятся. Сейчас голова спокойна, сам себе хозяин. Ну, вообщем… Ты в посёлке живёшь, не так ли?

Как только я подтвердил головой, кузен продолжил:

– Очень хорошо. Что там нового? Клянусь, вот уже сколько лет не могу приехать в посёлок и навестить могилы родных. Но что поделать, я весь в трудах.Ну, вообщем… Хорошо, а как Таги муаллим? Давно от него нет никаких вестей.

– В посёлке нормально. Каждый занят своим делом. Что касается Таги муаллима, то после

того, как он отдалился от работы учителя, проживает в деревне. Он безработный, больной человек, всё время бывает в коме.

Давуд муаллим словно оцепенел, в глазах заблестел свет милосердия. Поникнув головой, он виновато произнёс:

– Будь проклят шайтан, из-за пустяка между нами пробежала кошка. Я на него не в обиде, но насчёт него не знаю.

Мой старший брат Таги, можно сказать, был ровесником Давуда. Оба окончив Педагогический Институт, начали работать учителями в отдельных школах города. Таги муаллим долгие годы был завучем в школе. Четыре года назад Давуд муаллим, поправив дело, прибыл директором в школу, где работал Таги муаллим. Его первым делом стало увольнение кузена из должности завуча. Это не очень взволновало Таги муаллима. Итак он честно жил на одну зарплату, поэтому работа завуча для него была дополнительным бременем. Он три года проработал рядовым учителем. Прошло три-четыре месяца после того, как ему исполнилось шестдесять, как он сильно заболел. По совету врачей он окончательно отдалился от работы учителя, и стал выращивать во дворе, держать скот и заниматься репетиторством тремя-четыремя учениками за год. Хотя он был старшим братом, но вместе с семьёй проживал в старом доме, принадлежащем нашему отцу. Из-за того, что

наш отцовский двор был большим, я построил себе двухэтажный дом в верхней части двора. Когда я услышал последнее предложение Давуд муаллима, то всё это пронеслось перед моими глазами, как кинолента. Хотя я отвернулся, чтобы не выдать своего гнева, тем не менее, я предпочёл мир:

– Он тоже на тебя особо не в обиде. Как говорится, проехали.

На самом деле моей целью было побыстрее завершить этот бессмысленный диалог. Давуд муаллим понял моё намерение либо случайно так получилось, но и он тоже решил завершить разговор.

– Очень рад был тебя увидеть. Иншаллах, через пару дней я приеду в посёлок, встретимся. Но будет неплохо, если ты мне дашь номер мобильного телефона.

Я неохотно сказав: «Иншаллах», дал ему номер своего мобильного телефона, и тут же протянул ему руку. Мы попрощались. По дороге я пару минут подумал о встрече с Давуд муаллимом, затем волнующие меня проблемы так отвлекли, что даже не вспомнил об этом.

Мой следующий день был полон сюрпризов. Кузены Джафар, Мурад, чьи голоса я не слышал годами, а также некоторые из коллег Таги муаллима позвонили мне, спросили о житье-бытье. А в конце немного с горечью выразив мне и Таги муаллиму пожелания выздоровления, не забы-

ли сказать, что скоро встретятся. Честно говоря, всё это для меня было неожиданно, и я не понимал, что происходит. Однако, когда от одного из звонивших я узнал, что мой мобильный номер дал Давуд муаллим, почему-то я успокоился, и не стал обращать на это внимания.

Шёл третий день со встречи с Давуд муаллимом. Было воскресенье, и я был дома. После завтрака, надев одну из старых одежд, я спустился во двор. Несмотря на то, что шла уже третья неделя осени, погода была приятной. Воспользовавшись этим, я намерен был привести в порядок сад, «поухаживать» за деревьями. Срезав «непослушные» ветки пары деревьев и кустарника, я, остановившись, начал смотреть на сад. Вдруг открылись ворота и во двор вошли Давуд муаллим, Джафар и двое пожилых мужчин, которых я не знал. Я сразу же вышел вперёд, чтобы их встретить, и любезно встретился с каждым из них. Я пригласил гостей в беседку на дворе. Не прошло и десяти минут, как мы беседовали, попивая чаёк. Выяснилось, что двое незнакомцев были коллегами Таги муаллима. Я незаметно послал младшего сына за Таги муаллимом. В это время кузен Джафар с полным печали голосом обратился ко мне:

– Кузен, когда я услышал, мне стало очень плохо. Поверь, что два дня я не нахожу себе места, думал, когда пойду. И правда, он прожил честно, благородно, как мужчина. Он ни перед

кем не прогнулся, никогда не отвернулся от своих принципов. Клянусь, таких людей в нынешнее время и с факелом не сыщешь. Поверь, что все эти несколько дней вся наша семья молила Аллаха об его исцелении.

Я не понимал о ком речь, поэтому хлопая глазами, изумлённым взглядом взирал на Джафара, а иногда и на других гостей. Хорошо, что в разговор вмешался Давуд муаллим:

– Кузен, когда я услышал эту весть от тебя, моё настроение испортилось, отчего-то я почувствовал себя виноватым. Поэтому я посчитал долгом для себя позвонить Джафару, прочим родственникам и друзьям, и сообщить эту весть. Навестить его в таком состоянии будет угодно и Аллаху.

– Давуд муаллим, о ком вы говорите?

– О ком же ещё, о Таги муаллиме, конечно.

– А что случилось с Таги муаллимом?

Давуд муаллим выпученными глазами сначала посмотрел на товарищей, а затем на меня, и полным удивления голосом произнёс:

– Что значит, что случилось?.. Когда мы встретились, ты разве не сказал, что Таги муаллим в коме?

Услышав эти слова, я на несколько секунд оцепенел, а потом так раскатисто расхохотался, что гости может даже подумали, что я сошёл с ума. Немного успокоившись, я со смехом сказал:

– Да рассмешит тебя Аллах, кузен! Я сказал,

что Таги муаллим остаётся в коме, то есть в старом, маленьком доме.

Кузен Джафар сначала тихо произнёс: «Слава Богу!», а затем от души рассмеялся. Смеясь, он сказал: «А я-то подумал, что кузен заболел и впал в кому», и начал громко хохотать.

С интересом наблюдавшие за происходящим гости, узнав суть разговора, также присоединились к нам. А после прихода Таги муаллима наш раскатистый хохот, наверное, услышали и все соседи вокруг.

Ленкорань.
26 октября 2016 года.

Ч У Д О

(Новелла)

Несмотря на то, что был конец октября, погода была душной. Работавшая пару часов во дворе Гюльбениз прошла домой, чтобы отдохнуть и начать приготовления к обеду. Налив в армуды стакан чаю из чайника на печи в кухне, она уселась на диване. Она выпила было второй глоток, как резко встала от услышанного звука. Это был звук сигнала машины её мужа Пашахана, который она умела очень легко отличить из застрявших в пробке десятка машин. Она спешно спустилась во двор. «НИВА», что водил Пашахан въехала внутрь от настежь раскрытых ворот. С первых шагов сошедшего с машины мужа, Гюльбениз сразу поняла, что настроение у него превосходное. Пашахан, подняв крышку багажника, приятной улыбкой взглянул на жену. Гюльбениз тотчас же поняла, что в багажнике что-то есть. Она сделала пару шагов к машине, как утиные голоса объяли всё вокруг. Пашахан с помощью жены вынул из машины три пары белых уток, положил их на землю, а затем, отрезав верёвку, привязанную к их ногам, пустил их во двор. Гюльбениз радостно похвалила мужа.

– Спасибо, ай Паша. Как умно ты поступил. Как будто прочёл мои мысли. Я и так вожусь с курами-цыплятами, и о них тоже буду заботить-

ся.

Пашахан остался доволен этой похвалой:

– Гюлю, разве ты не знаешь, что я умею читать твои мысли? Смотри, погода начала холодать. Не так уж и много, максимум через месяц приготовить и есть эти утки из под плова, будет совершенно другим удовольствием.

Супруги с восторгом прижимая бока птиц некоторое время наблюдали за их ходьбой, гоготом во дворе. Птицы, которые поначалу опешив, пару секунд с интересом глядели вокруг, постепенно привыкали к хозяйству. В мгновение ока они с гоготанием выклевали ячмень, который им посыпала Гюльбениз. Жёлтыми клювами они возились в мутной воде и в земле. Как следует искупались в наполненной водой тазе. Хотя двор был большим, но птицы не уходиди дальше сада рядом с двором. Когда начинало темнеть, Гюльбениз разместила птиц на высоком чердаке, построенном из камня. Ту ночь Гюльбениз намертво заснула, крепко обняв Пашахана...

Пашахан хотя и рано проснулся ото сна, но ввиду воскресенья, по своему обычаю поздно встал с постели. После завтрака немного поиграл с внуком, посмотрел телевизор, договорился с другом о своём участии на свадебном торжестве, на который должен был пойти вечером. К обеду, накинув на плечи кожаную куртку, он спустился во двор, поискал глазами

уток, которых купил днём ранее. Утки были в узкой, но длинной канаве, которая наполовину была заполнена водой. Пашахан медленными шагами направился к канаве. Радостные утки, словно соревнуяст друг с другом, плавали там. Иногда засунув головы в воду, махали в воздухе своими крыльями. Когда мгновения спустя они выпрямлялись, то по тому, как их клювы не шевелились было ясно, что они хоть с трудом, но нашли что-то поесть.

Гюльбениз, закрывшая дверь курятника и направляющаяся в сторону дома, позвала мужа на обед. Хотя Пашахан был уставшим, тем не менее с аппетитом начал есть. Между словом Гюльбениз сказала:

– Ай Паша, если купишь немного индюшек и выпустишь их во двор, то они за пару месяцев как следует поправятся, и на новый год мы угостили бы внуков шашлыком из индюшатины.

Пашахан, жуя еду, движением головы подтвердил слов а жены и, сглотнув слюну, ответил:

– Иншаллах, жена. Вот увидишь, что индюшки загогочут во дворе.

Закончивший обед, выпивающий стакан бархатистого чая Пашахан сказал:

– Жена, ночью я плохо спал, хочу прилечь. Смотри, чтобы дети не шумели.

Пашахан только начал засыпать, как пробудился от крика. Вначале он не понял, что про-

изошло. Заострив внимание, он предположил, что это голос Гюльбениз, и живо помчался на балкон. Со двора слышался голос Гюльбениз.

– Ой, что за горе? Ой, конец нам. Какой негодяй с отсохшими руками сделал это? Да чтобы ты пропал. Чтобы тебя Аллах наказал.

Хотя Пашахан и открыл окно балкона, но ему не хватило терпения разговаривать отсюда с Гюльбениз, и он молча закрыв окно, спустился во двор. Гюльбениз кричала во весь голос посреди двора. Пашахан, схватив жену за плечи, потряс её.

– Гюлю, успокойся. Объясни мне, что случилось?

Гюльбениз, бессильно покачав рукой в воздухе, указала на верхнюю часть сада. Пашахан обернулся на указанное направление, и на мгновение застыл от увиденного там. Утки, как снежные хлопья, распростёрлись по сторонам. Пашахан, не веря увиденному, пару раз зажмурил глаза, а затем, поняв, что это правда, с выпученными глазами поник вниз. Словно ожидая такое состояние мужа, Гюльбениз встала и приблизилась к нему.

– Ничего не поделаешь. Пусть будет милостыней от наших детей, внуков. Ты, давай, иди домой.

Гюльбениз с помощью своей невесты Шахзаде, на голос впопыхах спустившейся во двор, собрала уток, и разложила их на земле, в двух

шагах от всё ещё присевшего Пашахана. Пашахан, увидев неподвижных уток, грустно произнёс:

– Жена, хотя верхняя часть нашего сада без забора, впереди него протекает канал, а расстояние от металлической сетки с соседями с трёх сторон достаточное. Мы никому не сможем это доказать. Поэтому молчи. Птицы, скорее всего, уже несъедобны, загрязнены. Отнеси и брось в канаву на конце двора, пусть будут кормом для собак.

От горького плача Гюльбениз Пашахан растрогался:

– Не расстраивайся, заново куплю.

Увидевшая, направляющегося в сторону дома мужа, Гюльбениз кончиком платка вытерла слёзы.

– Ай киши, смотри какой красивый у них пух, белоснежный, как хлопок. Жаль, хоть выщипала бы их перья.

Хотя Пашахан и покачал головой в знак согласия, он, не сказав ни слова, зашагал в сторону лестницы дома.

...Неожиданный крик, теребивший ухо, стрелой вонзился в голову Пашахана. Он в испуге встал с места. Первое, что он увидел были изящные часы на входной двери комнаты. Обе стрелки часов стояли между цифрами пять и шесть. Пашахан вспомнил, что после происшествия с утками где-то около полутора часов он

повозился на месте, перевернул горы и равнины, вернее, размышлял про себя причину этого происшествия, кто бы мог быть её причиной, но так и не смог выяснить. Если так посчитать, то он спал где-то около двух часов. Крик положил конец этим размышлениям. «Это уж точно голос Гюльбениз» – подумал Пашахан, сердито поднявшись пробормотал: «Да проклянет Аллах шайтана! Кажется, жена сошла с ума». На этот раз не открывая окна на балконе, он прямиком спустился во двор. Он сделал пару шагов в сторону двора, как ноги его пригвоздились на месте. Он пригнулся, причитая: «Бисмиллях! Бисмиллях!» Совершенно голые утки, хлопая крыльями в воде, плавали в канаве, в верхней части сада.

– Господи, слава твоему чуду! – Пашахан, раскрыв руки к небу, совершал салават.

Пашахан, с шокированным взглдяом глядящий вокруг только сейчас заметил, как на него выпученными глазами уставилась Гюльбениз, которая присела возле песочного холмика во дворе.

В тот вечер во многих домах села основной темой разговора было «чудо», произошедшее во дворе Пашахана. Лишь спустя два дня «алкаш» Мами, работавший рабочим в виноводочном заводе, который находился налево от дома Пашахана, смеясь, двумя-тремя предложениями, сказанными им в сельской чайхане, внёс ясность в

это чудо:

– Эхх, что ещё за чудо? Мякоть, кожура, семя, кисть винограда, которое бродили для вина, было выброшено в канал. А утки, хорошенько «нагрузившись» этим вином, опьянели в стельку. Когда проснулись, то обнаружили себя совершенно голыми.

Ленкорань.
12 января 2019 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ 3-11

ДОЛГ ДЕТЕЙ 12-22

ГУМРУ 23-41

МЕСТО МОГИЛЫ 42-49

ШЕСТОЙ ПАЛЕЦ 50-60

61-ая МИНУТА ЧАСА 61-77

ХАТИКО 78-85

ВРЕМЕНА ГОДА ЖИЗНИ 86-97

РАЙ ПОД НОГАМИ 98-104

ЖИЗНЕННЫЙ УРОК 105-109

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ 110-117

ЗАВЕЩАНИЕ ГИППОКРАТА 118-127

БУМЕРАНГ 128-133

КОМА 134140

ЧУДО 141-147

Джафарли Гафар Ильтифат оглы

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

Контакты автора
Тел.: 050 223 73 50
055 373 73 50
E-mail: jafarov.qafar@mail.ru

Операторы*:* ***Джавидан Аскеров***
Сулейман Аскеров
Малик Гасымов

Подписано к печати 18.03.2023
Формат 84x108 1/16
Физ. п.л. 9,5
Гарнитура Cambria
Бумага кремовый
Заказ 8, Тираж 300 экз.

Книга подготовлена к изданию
и отпечатана в типографии «APOSTROF-A»
Тел.: (+99412) 432 51 04
(+99450) 313 07 06
E-mail: apostrof0706@gmail.com